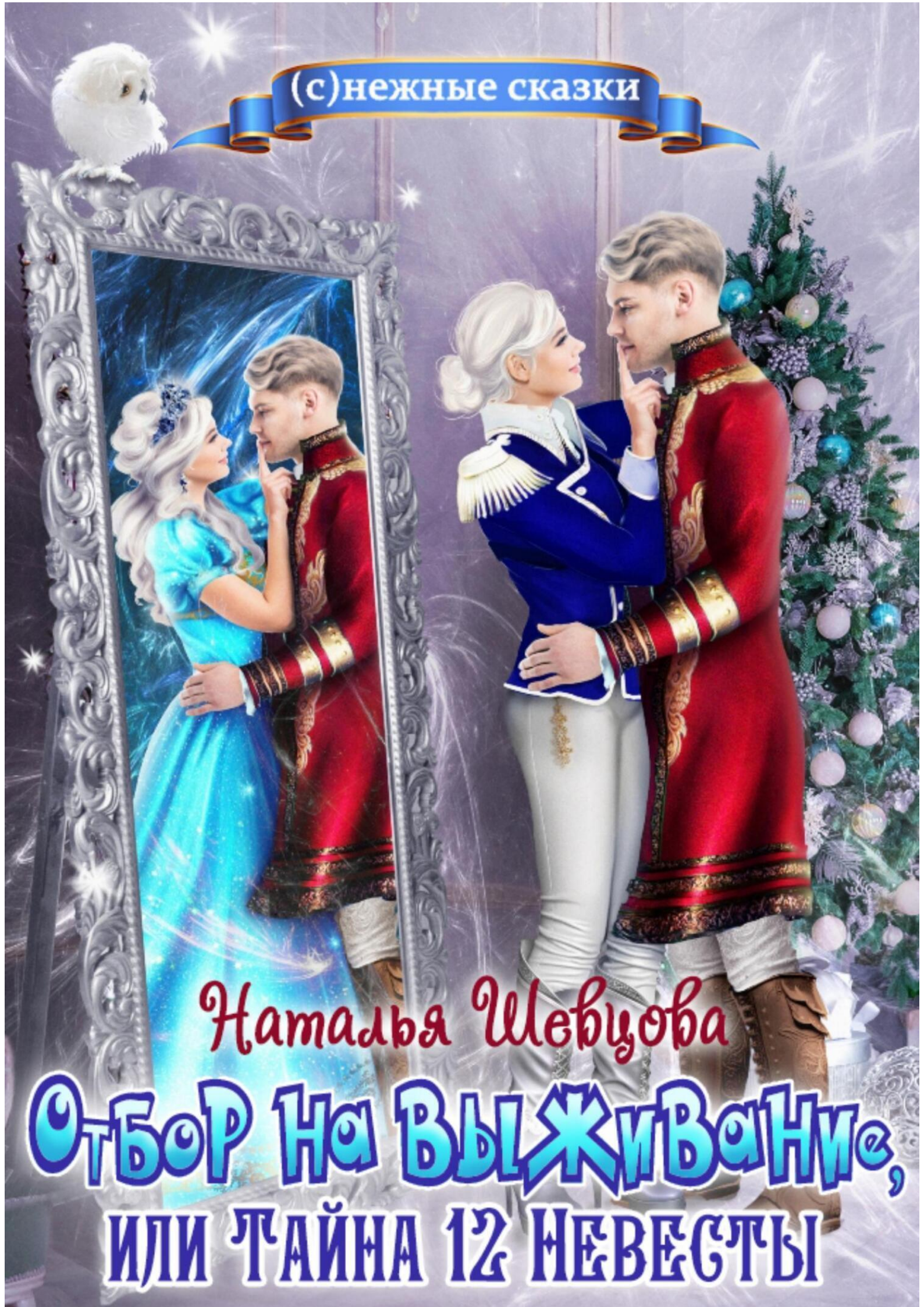

(с)нежные сказки

Наталья Шевцова

**ОТБОР НА ВЫЖИВАНИЕ,
ИЛИ ТАЙНА 12 НЕВЕСТЫ**

Наталья Шевцова

**Отбор на выживание,
или Тайна 12 Невесты**

«Автор»

2024

Шевцова Н.

Отбор на выживание, или Тайна 12 Невесты / Н. Шевцова —
«Автор», 2024

Это ж подумать только, какими наглыми и беспардонными порой бывают некоторые душегубы! Нет, чтобы продолжать и дальше злодействовать, не привлекая к себе особого внимания, они вдруг решают заявить во всеуслышание: «Несметно богат, знатен, знатнее некуда, похоронил трёх жен и теперь ищу следующую... Требование к финалистке отбора: остаться в живых. Требование к будущей жене: срочно научиться летать:»)» В тексте: - Высокий лорд, ни одна из жен которого не умела летать; - Лучший друг Высокого лорда – дракон Игнашка; - Принцесса – агент тайной канцелярии; - Маленькая девочка - призрак - Снежная_сказка; - Магический детектив; Двухтомник, Том 2. Название 1-го тома: Тайна 12 невесты, или Отбор на Выживание.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	47
Глава 14	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Шевцова
Отбор на выживание,
или Тайна 12 Невесты

Глава 1

Высокий лорд чувствовал себя одновременно смущенным, уязвленным, раздосадованным, опечаленным и растерянным ...

Ну а как ещё ему было себя чувствовать, если тот, кого он считал своим самым преданным и надежным соратником, кто всегда его понимал и во всем поддерживал, на кого он всегда полагался как на самого себя, отказался разделить с ним тяжкую ношу!

Причём отказался наотрез!

И ладно бы ещё причина отказа была уважительная... Например, перелом обеих ног или заразная болезнь. Будь причина в первом или во втором, Николас бы понял и ничуть не обиделся бы. Что он зверь, что ли, заставлять лучшего друга танцевать на переломанных ногах? Или рисковать здоровьем окружающих выпустив к ним заразного больного?

Однако, у Мариуса и ноги были целы, и даже самой маленькой простуды не наблюдалась!

Этот предатель просто вдруг вспомнил, что у него кроме долга подданного, искренней преданности и лояльности, есть ещё и моральные принципы, и потому он взял и заявил:

– Прости, Ник, но девушки прибыли на отбор ради тебя. Причем, прибыли, рискуя своими жизнями. Поэтому по два танца с каждой – это самое малое, чем ты им обязан.

Ну вот и что оставалось делать брошенному на произвол судьбы лучшим другом пристыженному Высокому лорду, если он понимал, что друг этот – прав? Если к тому же, в глубине своей эгоистичной души, Высокий лорд был человеком благородным и совестливым. Однако его глубокодушевных благородства и совестливости не хватало на то, чтобы смириться с необходимостью оттанцевать ЦЕЛЫХ двадцать два танца. Двадцать из которых, он вообще танцевать не хотел. Поскольку его интересовала только одна девушка из одиннадцати. Кроме того, какие танцы, если у него убийца не пойман, заговор не раскрыт и вообще дел выше крыши!

В общем, Николасу ни оставалось ничего другого, кроме как найти способ, как так сделать, чтобы и ему было хорошо и невест – не только не обидеть, но и поступить с ними максимально благородно!

К его чести нужно заметить, что раздумывал он не долго. Да и о чем тут было думать, если ответ лежал на поверхности. Ему аж одиннадцать невест не нужно. И ещё неизвестно нужен ли он всем одиннадцати, самокритично рассудил скромный он. А потому, почему бы не предоставить нуждающимся в богатом и знатном муже бесприданницам более широкий выбор? Тем более, что это можно обставить как первый этап конкурса. Не всё же им посмертно выбывать...

К слову, о посмертно. Кто знает, возможно, девицы, если они не совсем идиотки, уже пожалели, что приехали, и все дружно воспользуются случаем. И на сим отбор и закончится, – с надеждой подумал он и тут же усмехнулся, представив себе выражение лица двоюродного пра-пра-пра деда, когда тот поймёт, каким именно будет первый тур отбора: – Он будет просто в бешенстве!»

Довольный собой Высокий лорд расплылся в улыбке, от которой на его излишне совестливого друга тут же снизошло дурное предчувствие.

– Не знаю, что ещё ты задумал, Ник, но я в этом не участвую, даже если ты пригроишь мне плахой! – отважно заявил он.

– Хорошо, – легко согласился Высокий лорд. – Значит, тебе невеста не достанется... Тем более, что среди моих рыцарей есть и более достойные. Например, барон Хродгейр, граф Эйрик, барон Эгиль, лорд Скулних... – с усмешкой начал перечислять он. Заметив, недоуменное выражение лица капитана, он ещё раз усмехнулся. Однако вместо того, чтобы известить друга о своих планах, прикрикнул: – Ну и чего ты на меня уставился как снежран на новые ворота? Записывай, давай!

Мариус хмыкнул, неодобрительно покачал головой, сморщив при этом лоб и насупившись, но сделал то, что ему приказали.

Усмехнувшись в очередной раз, Николас продиктовал ещё шесть имён. Все десятеро лордов были молоды, привлекательны внешне, в достаточной мере богаты и неженаты. Наконец, Николас не выдержал и посвятил друга в свои планы.

– Они должны только одеться, как ты? Но при этом никаких иллюзий или масок? – уточнил щепетильный капитан.

– Никаких иллюзий или масок, никаких фальшивых имён, – подтвердил Высокий лорд. – Идея в том, чтобы предоставить девушкам выбор, а не ввести их в заблуждение.

– Хммм, какие у тебя оказывается таланты! – усмехнулся капитан. – Не знал бы наверняка, что изначально тобой двигали эгоизм и пофигизм в отношении девушек, сейчас бы восхищался твоим благородством!

Николас закатил глаза и насмешливо поинтересовался.

– Это был намёк на то, что я должен сказать тебе спасибо?

– От тебя дождёшься! – фыркнул Мариус. – Скорее, это я должен сказать тебе спасибо за то, что ты ко мне прислушался, а не в карцер отправил.

Высокий лорд закатил глаза и, ни словом не соврав, проворчал притворно обиженным голосом.

– Даже и в мыслях не было ни про какой карцер, поэтому не наговаривай! И вообще, хватит разговаривать. Давай вестников рассылать, – резко посерьезневшим голосом, предложил он и напомнил: – Бал уже через четыре часа. А женихам ещё...

Требовательный стук в дверь заставил его прерваться.

– Войдите, – разрешил Николас, искренне надеясь, что кто бы ни стоял за дверью, он пришёл не новыми дурными новостями.

Надежда эта, однако, не прожила и секунды. Ибо как только Николас увидел выражение лица Илберта Смартиса, он понял, что на всех десятирх отобранных им лордов – невест уже не хватит.

– Кто? – одними губами прошептал он.

Дознаватель тяжело вздохнул. Настолько тяжело, что Николас даже удивился. Не то, чтобы он считал Илберта Смартиса совсем бесчувственным, просто считал, что кто-кто, а уж он после стольких лет в отделе специальных расследований просто не может оставаться мягкосердечным и чувствительным.

– Оливия Стрижевская... – покачав головой, с явной горечью в голосе ответил главный дознаватель и с новым вздохом сел в кресло для посетителей.

– Оливия Стрижевская, – повторил Николас, пытаясь вспомнить, почему ему это имя кажется очень знакомым.

Кивнув, он взял в руки папку, содержимое которой он так и не удосужился просмотреть. Раскрыл её и принялся листать. Обнаружив, наконец, то, что искал, он изъясил из неё фотографию хрупкой шатенки с огромными доверчиво распахнутыми голубыми глазами... и вспомнил.

Он снова кивнул, испытывая одновременно сочувствие к дознавателю, который, наверняка, чувствует себя виноватым и лёгкое чувство стыда за себя.

«Мариус прав, – думал он, – я – таки законченный эгоист. Оливия прибыла сюда по моему приглашению, а мне настолько было на неё плевать, что, даже увидевшись с ней и поговорив, я всё равно не запомнил её имя».

– Как? – не спросил, а скорее выдохнул Николас.

Илберт Смартис на мгновение прикрыл глаза. Лицо его исказила болезненная гримаса.

– Обставлено как несчастный случай. Горничная обнаружила тело в спальне. На виске покойной была небольшая рана. Которую та якобы получила, упав и ударившись об угол тумбочки.

– Следы чужой ауры? – скорее для протокола, чем потому, что надеялся на ответ, уточнил Николас.

В ответ, как он и предполагал, Илберт Смартис в очередной раз тяжело вздохнул.

– Ясно, – практически себе под нос пробормотал Николас. Однако тут же добавил, перейдя практически на повышенный тон: – Я не понимаю, как?! Я имею в виду, вы ведь с неё глаз не спускали! Разве, нет? Вы, конечно же, думаете, что это Лукреция? Но я не верю, что это она! Эта девочка, Оливия, я имею в виду, она ведь ничего не знала! Она ничем не угрожала Лукреции. И Лукреция это знала. Не могла не зна... – поняв, что излишне поддался эмоциям, он резко оборвал себя. – Прошу прощения, за истерику, – самокритично прокомментировал собственное поведение он. Затем криво усмехнулся и заметил: – Как бы то ни было, свои соображения я только что вам озвучил. Каковы ваши?

Главный дознаватель иронично хмыкнул и с кривой усмешкой озвучил свои:

– Я согласен с вами, что Лукреции не зачем было убивать леди Стрижевскую, но проблема в том, что, на данный момент всё выглядит так, что девушку и не хотели убивать...

Мгновенно поняв, к чему клонит дознаватель, Николас понимающе кивнул. И в очередной раз сардонически усмехнувшись, предположил:

– И, само собой разумеется, у моей драгоценной невестки на момент гибели девушки нет алиби?

– Не в бровь, а в глаз, – с многозначительной ироничной усмешкой кивнул главный дознаватель.

– Но при этом никто не видел ни того, как она входила или выходила из комнаты Оливии? – продолжил просто для проформы уточнять Николас.

– Нет, она не была так добра ко мне, – иронично заметил Смартис и тяжело вздохнул. – Впрочем, не была она добра и к моим агентам. Точнее, к моим агентам не был добр тот или та, кто убил девушку, потому что я не исключаю вариант, что Лукрецию дьявольски тонко и грамотно подставили.

– Её подставили, – убежденно констатировал Николас. – У меня нет вашего опыта, но я знаю Лукрецию. Она не пошла бы в комнату к Оливии выяснять с ней отношения. В её понимании это ниже её достоинства. Она бы вызвала девушку к себе, как это делают все королевы, к коим она себя относит, – с иронией в голосе объяснил он свою позицию. Вслед за чем сочувственно заметил: – Прошу прощения, я не знал, что пострадали также и ваши агенты. Они тоже... – он не договорил, но Илберт его понял.

– Нет, – покачал головой дознаватель. – Они живы, но их очень грубо обработали ментально. Это, кстати, одна из причин моего визита у вас, я подумал, что, может быть, вы сможете им помочь.

Высокий лорд активно закивал головой.

– Разумеется, – с готовностью заверил он. – Я только... – он обвёл глазами кабинет, вспоминая, что такого важного он собирался сделать накануне визита дознавателя. – Раф, ну ты понял... – увидев друга, скорее утвердительно, чем вопросительно обратился он к другу.

Рафаэль Мариус кивнул, что, мол, понял и поинтересовался:

– Вычеркиваем последнего из списка?

– Нет, – покачал головой Высокий лорд. – Отправляй вестников всем десятерым. Все десятеро надёжные люди, опытные воины и хорошие маги. А ни первое, ни второе лишним мне здесь не будет. Да и невесты, думаю, будут только рады более широкому выбору женихов.

– Женихов? – удивленно уточнил Илберт Смартис. – Каких ещё женихов?

– Ну я пошёл, – решив, что дальше разберутся и без него, поспешил ретироваться капитан.

– Да, женихов, – невозмутимо, подтвердил Николас. – Вы помнится, с утра сетовали, что хотели бы отменить этот отбор, – напомнил он дознавателю. И изложил свой уже кажущийся ему не просто удачным и удобным, а просто-напросто гениальным и обязательным к исполнению план.

Глава 2

Третья из дочерей Стального Высокого лорда, леди Лагерта Корхонен сидела на краешке дивана, уставившись задумчивым взглядом в расписной потолок. Отличавшаяся поразительной красотой, белокожая, золотоволосая и голубоглазая она вполне могла составить конкуренцию изображенным на потолке белокрылым ангелицам. И кто знает, возможно, именно об этом она и размышляла.

Хотя...

В руках она держала щедро усыпанный бриллиантовой крошкой веер, который она то и дело раскрывала и закрывала, выдавая тем самым своё молчаливое раздражение.

Плотно сбитая, невысокая брюнетка, седьмая по счету, но при этом даже близко не самая младшая, дочь суперплодовитого контр-адмирала Халстейна Беребра стальным лордом воспитана не была и потому обладала гораздо меньшей выдержкой...

– Долго ещё? – чуть ли не поминутно скущаясь вздыхала она, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно.

Летописной достоверности ради, нужно отметить, что подобную тактику «допроса» она избрала не сразу, а после того, как прикинувшиеся слепоглухонемыми гвардейцы трижды проигнорировали её вопрос, который при обращении к ним звучал как: «Кто-нибудь знает, как долго нам ещё ждать эту вашу новую распорядительницу?»

А вот младшая дочь председателя купеческой гильдии, Вигдис Фридлейф в отличие от двух первых не испытывала ни скуки, ни раздражения. С комфортом разместившись в уголке мягкого двухместного дивана, она, подложив под точеную щёчку изящную правую ладошку, сладко спала, почмокивая при этом нежными губками и посапывая аккуратненьким носиком.

Стоит отметить, что посапывания и почмокивания Вигдис Фридлейф были едва слышимыми, и вполне могли остаться никем незамеченными, если бы не тонкий, музыкальный слух и сверхчувствительная нервная система её соседки по дивану Агнетты Виртаненской, которая, в связи с бессонной ночью и разыгравшийся по этой причине мигренью, тоже была очень и очень не против немного подремать.

Наследница древнего, но обнищавшего знатного рода леди Агнетта Виртаненская, как и все представительницы древних аристократических фамилий, была девицей, получившей во всех отношениях хорошее воспитание и, в целом, отличалась благонравием, добросердечием и чинностью.

Посему, даже, несмотря на всё усиливающуюся головную боль и растущее с каждой секундой раздражение, она в течение более получаса, самоотверженно пыталась, если не привыкнуть, то хотя бы мысленно отстраниться от действующих ей на нервы сопящих и чмокающих звуков.

И если бы раздражающе сладко спящая соседка издавала свои «нуф-нуф-нуууууф» и «цьом-цьом-цьом» с одинаковыми паузами и монотонно, то у неё всё бы получилось!

Но отвратительно крепко спящая соседка думала только о себе, эгоистка!

И потому паузы между её взбирающимся вверх «нуф-нуф-нуууууф», ниспадающим «у-уу» и «цьом-цьом-цьом» – были всё время разными.

И как Агнетта не пыталась, она никак не могла к этому привыкнуть. Раз за разом она ловила себя на том, что вслед за нуф-нуф-нуууууф» и «у-уу», затаив дыхание, ждёт, когда же, наконец, с другой стороны дивана прозвучит «цьом-цьом-цьом».

И вот это ожидание оказалось тем, что вынудило её таки забыть о любви к ближнему и кротости, и от всего сердца пожелать сопернице...

Хотя нет, об этом чуть позже.

Тем более, что это было потом, а сначала была получившая разнос от шефа новоявленная распорядительница отбора, которая, по распоряжению всё того же шефа, собрала всех своих подопечных в специальной «наблюдательной» гостиной.

На её несчастье, в Белом замке такая была! Морга у него в Белом замке, видите ли, нет, а «наблюдательная» гостиная есть!

И собрала она их в ней, само собой, для того, чтобы она могла за ними понаблюдать в, так сказать, стрессовой обстановке.

Сама Эльжбета считала затею эту столь же бесполезной потерей времени, сколь и скучной. Но с их обычно вполне вменяемым шефом иногда было лучше не спорить, какое бы идиотское распоряжение, на взгляд подчиненного, он не отдавал.

И порученное ей наблюдение было как раз таким случаем. Далеко не первым, к сожалению, за время её службы. Именно поэтому она знала, что шеф либо что-то знал или подозревал, либо им отчаянно нужна была хоть какая-то зацепка.

Другими словам, сплеховать она не могла. Она должна была что-то увидеть. Знать бы ещё, что? И как это что-то не пропустить, наблюдая за девятью девушками. Кстати, а почему их только девять? Где десятая? Хммм... А не в этом ли причина плохого настроения шефа? Может, Вивиан что-то знает? Точно, Вивиан! Одна голова хорошо, а две лучше! Решила Эльжбета и отправила подруге вестника.

Получив от подруги вестника с лаконичным посланием: «Ты мне срочно нужна!», Вивиан с печальным вздохом посмотрела на призывно подмигивающую ей переливами пены и искушающую запахом розмарина и жимолости ванну.

– Бета написала «срочно»! – напомнила она себе, борясь с искушением быстренько окунуться. И это действительно было бы быстренько: ведь ей всего-то оставалось – скинуть с плеч халат и сделать один шаг вперёд. – А вдруг её там убивают! – пристыдила она сама себя и тут же сама себе возразила: – Это вряд ли... В этом случае она никогда бы не послала за мной, да и послание звучало бы по-другому.

Ну а раз не убивают, то две минуты дела не решают. Вивиан скинула халат. Чуть ли не с разбега нырнула и сразу же вынырнула. В след за чем, стрелой помчалась в комнату, наспех оделась и, подгоняемая беспокойством и чувством вины, поспешила к подруге. Ведомая указывающим ей дорогу вестником она проследовала в тайный переход, который, однако, на сей раз привёл её к покоям не Высокого лорда, а в небольшую комнату.

Увидев, чем занимается подруга, Вивиан искренне порадовалась тому, что всё же позволила себе окунуться в ванной. Иначе бы она её просто убила! Нет, просто она её убьёт сейчас, а, если бы не окунулась, то убивала бы долго, кроваво и извращенно!

– Просто убила бы тебя! – честно сообщила она подруге, падая в соседнее кресло и приводя в порядок дыхание.

– За что? – не отрываясь от смотрового окна, искренне удивилась та.

– За твоё «срочно»! – раздраженно ответила Вивиан и сварливо уточнила: – Вот ты мне объясни, что здесь срочного?! – указав на скучающих за окном девушек, спросила она.

– Это ты у шефа спроси! Это его идея! – огрызнулась Эльжбета. – Ему, видите ли, результат уже нужен, а не тогда, когда я, наконец, соизволю ему его предоставить! И он так это сказал! Словно, я всё то время, что вы с ним были в морге, вместо того, чтобы совместно с Турином и Закери наносить каждой из конкурсанток пятнадцатиминутный визит, спала или гуляла!

Хорошо знавшая, каким бывает босс, когда у него плохое настроение, Вивиан понимающе усмехнулась и раздражение её тут же улеглось.

– Можно подумать, я виновата в том, что у них всех в мыслях только предстоящий бал и потому единственное, что их беспокоит в данный момент – это смогут ли они затмить соперниц на балу и очаровать за два положенных им по протоколу танца Высокого лорда, – продолжала между тем жаловаться Эльжбета. – И потому вот, сижу теперь, как дура, наблюдаю!

Отведя взгляд от смотрового окна, Вивиан улыбнулась и насмешливо предложила.

– Так за чем дело стало? Поменяйся местами или с Турином, или с Закери! – указав взглядом на стоящих по стойке смирно в мундирах гвардейцев менталиста и эмпата. – Что-то мне подсказывает, они тебе не откажут!

Подчеркнуто демонстративно насупившись, Эльжбета исподлобья покосилась на подругу.

– Издеваешься?! – нарочито обиженным голосом поинтересовалась она. И тут же сама себе и ответила: – Издеваешься! – кивнув своим мыслям, констатировала она. – Подруга, называется! Нет, чтобы посочувствовать, она издевается!

Вивиан развела руками.

– Прости, но глядя на мучения Турина и Закери, у меня не получается тебе сочувствовать, – улыбнулась она.

– Мучаются?! – фыркнула Эльжбета. – С чего ты это взяла? Они там, по крайней мере, делом заняты! Причём своим делом! В котором каждый из них профи! А я... тут... Я занята не своим делом! Ты же знаешь меня, Ви, я человек действия. Да, я неплохо умею читать мимику и жесты людей, но... не тогда, когда наблюдаемых сразу девять!

– Девять? – удивленно переспросила принцесса и тут же принялась считать. – Хммм... И в самом деле, девять... – задумчиво проговорила она и тут же поинтересовалась у подруги. – Почему их девять, а не десять?

– Ты меня спрашиваешь? – искренне удивилась Эльжбета. – Вообще-то, я у тебя собиралась спросить, не знаешь ли ты, куда делась десятая?

– Нет, не знаю, – одновременно растерянno и задумчиво ответила Вивиан, качая при этом отрицательно головой.

– Это хорошо! – убежденно объявила Эльжбета и объяснила: – Это значит, что девушка жива! Так как, будь иначе, тебя бы позвали.

– Так вот почему шеф на тебе оторвался! – догадалась Вивиан. – Пострадала ещё одна девушка.

– Не просто ещё одна, а та, которую наш шеф использовал для того, чтобы попытаться вывести из равновесия Лукрецию, – заговорщицким тоном сообщила Эльжбета подругу.

– Так вот оно что! – понимающе воскликнула Вивиан. – Бедный шеф! Представляю, каково ему сейчас. Он ведь наверняка пообещал девушке свою защиту и, получается, не уберёг.

– Бедный шеф! Ты это серьёзно?! – фыркнула Эльжбета. – Нашла, кому сочувствовать! Бедная я и все те, кто попал ему под горячую руку! Ты бы его слышала и видела, Ви! Я, например, таким бешеным его ещё никогда не видела и не слышала. Он назвал меня томной, никуда не торопящейся барыней из высшего света, а Турина и Закери – бездарями и разгильдяями?! Представляешь?

Вивиан представляла...

Их шеф был не из тех, кто раскидывался несправедливыми оскорблениями в пылу плохого настроения. Наоборот, их шеф был образцом сдержанности и такта.

– Поняла, – кивнула она с улыбкой. – И да, теперь, сочувствую. И полностью поддерживаю твоё желание заставить шефа забрать свои несправедливые слова назад. Потому, чем смогу, помогу. А ты мне за это расскажешь, что ты узнала о своих подопечных из их досье. И начни, пожалуйста, с вот этой, – указала она на златовласку поразительной красоты.

– С неё?! – делано удивилась Эльжбета. – А почему именно с неё? Ах, да... – протянула она, с плутоватой улыбкой поглядывая на подругу и постукивая при этом указательным пальчиком по вытянутым в трубочку губам, – она же так похожа на Марицу, но только эта, в отличие от Марицы, свободна. И что немаловажно – юна и свежа, как только, что выпавший снег.

– Как же хорошо ты меня знаешь, – иронично заметила Вивиан. – Просто видишь насквозь! Да, она очень похожа на Марицу. И это меня настораживает. Но не потому, что я опасаюсь конкуренции, а потому, что подозреваю, что сходство это не есть случайным.

Когда Эльжбета оказывалась неправа, она это всегда признавала.

– Твою предвечную! – выругалась графиня. – А ведь ты права! У меня только один вопрос, почему я не подумала об этом?! – самокритично заметила она.

– Это был риторический вопрос, как я понимаю? – насмешливо поинтересовалась принцесса, задумчиво изучая сидящую на подоконнике златовласую богиню. Нет, не плодородия. Для богини плодородия, она была слишком юна и субтильна. Скорее, богиню утреннего расвета.

– Продолжаешь издеваться? – насупленно огрызнулась Эльжбета. – Хорошо... хорошо... я тебе это припо-ооомню! – нарочито обиженным тоном добавила она. Вслед за чем фыркнула и обвинительно припечатала: – Тоже мне подруга называется! Таких подруг иметь, врагов – не надо!

– Я ради тебя пожертвовала уже приготовленной ароматно пахнущей и призывно подмигивающей мне пенистыми покровами ванной! – напомнила Вивиан. Вслед за чем, высоко задрав красивый носик и закатив к потолку глаза, в которых прыгали чертики, добавила: – Ну и кто из нас после этого подруга, а кто так только называется? Посему, да, издеваюсь! И имею на это полное право! – исполненная праведной убежденности объявила она и тут же, словно бы промежду прочим, поинтересовалась: – Так что там, с Марицей номер два?

Глава 3

Легкомысленное настроение Эльжбеты, словно ветром сдуло. Озорные искорки в глазах сменила озабоченность, голос из игривого и насмешливого стал серьёзным и бесстрастным.

– Несколько лет назад она была помолвлена с Высоким каменным лордом. Не с Ульрихом, как ты понимаешь, а ещё с его дедом, – сообщила она подруге.

– Дедом? – удивленно переспросила Вивиан.

– Угу, дедом, – подтвердила Эльжбета. На сей раз голос её уже был не ровным и бесстрастным, а выразительно многозначительным. – Помолвка состоялась в шестнадцать. Свадьба должна была состояться в день восемнадцатилетия невесты.

– Бедная девушка... – пробормотала Вивиан. – Ему же лет под сто двадцать, если не больше, было на момент его смерти!

– Даже сто двадцать четыре! – с важным видом объявила Эльжбета. – Тем не менее, умер он не от старости, поскольку на диво крепенький старичок был, а погиб, сраженный разбойничьей стрелой. И погиб... Как думаешь, когда?

– Аккурат накануне свадьбы? – с ироничной улыбкой предположила Вивиан.

– В точку! – констатировала Эльжбета.

– Наши думают, что Ульрих постарался, но доказать ничего не смогли, – снова предположила принцесса.

– Это была первоначальная версия, которая, впрочем, так и осталась основной, – уклончиво ответила рассказчица. – Однако, была и ещё одна. Со слов Ульриха, дед его, дабы заполучить Иттану себе в жены заплатил её отцу тремя сундуками, доверху набитыми драгоценными камнями, большую часть из которых составляли алмазы, изумруды и рубины.

– Вот только Ульриху, как лицу заинтересованному, разумеется, никто не поверил. Но потом случилось кое-что ещё и наши-таки задумались?... – снова предположила Вивиан.

– Шеф бы тобой гордился! – насмешливо похвалила подругу Эльжбету. – Да, случилось. Не прошло и двух лет, как красавица Иттана снова засобиралась замуж. И угадай, кому повезло в этот раз?

– Прости, – развела руками Вивиан. – Я, конечно, хороша, но не настолько, а потому не томи, а то я тебе снова припомню мою ванну!

– Главе гильдии ювелиров! – победно воскликнула Эльжбета.

– Нет, я всё-таки хороша! Потому что я знаю, что было дальше! – нарочито горделиво и торжественно воскликнула Вивиан. Вслед за чем, голосом рассказчицы страшных историй на ночь добавила: – Он тоже умер. Но лишь после того, как приобрёл по рыночной цене три ящика с драгоценными камнями, происхождение которых подтверждалось лишь брачным договором, о котором лорд Рагнвальдский попросил своего будущего зятя никому не говорить, поскольку не хотел проблем с новым Высоким каменным лордом. Но это опять же догадки, не подтвержденные ни единым документом.

– Как? Как ты догадалась?! – прижав руки к сердцу, с притворным придыханием в голосе спросила Эльжбета.

– Понимаешь, Бета! – с трудом сдерживая смех, проговорила Вивиан. – Это или есть или нет. Поэтому объясняй, не объясняй... – нарочито манерно-высокомерно проговорила она, махнув при этом растопыренными пальчиками. Затем уже серьёзным голосом поинтересовалась. – Значит, всё-таки дядя был прав, и главе гильдии ювелиров всё же помогли умереть не камни в почках, а кое-кто двуногий и, отнюдь, не каменный?

Эльжбета хмыкнула.

– Судя по досье, наш шеф в это верит также свято, как и его шеф, однако доказать так ничего не удалось. Если ювелиру и помогли умереть двуногие, то сделали они это очень и очень чисто. Так чисто, что не прокопаешься.

– И теперь, – задумчиво кивнула головой Вивиан. – Наша похоронившая при подозрительных обстоятельствах двух престарелых женихов красавица здесь... Хммм... – покачала она головой, недобро-многообещающе сузив при этом глаза. – Какие интересные у нашего шефа, оказывается, критерии отбора невест! Какая же я всё-таки наивная, если думала, что кандидатки отбирались, исходя исключительно из критериев благонадёжности и отчаянности положения!

– Ничего ты не наивная, – с плутовской улыбкой возразила подруга. – Именно по этим критериям шеф их отбирал, только при этом он учитывал отчаянность положения не только кандидаток в невесты, но и своё собственное! Сама понимаешь, и Высокий каменный лорд и глава ювелирной гильдии – не последние люди в королевстве, чтобы позволить их убивать безнаказанно. Уверена, что твой дядя и отец ему всю плешь проели, да и сам наш шеф... Ты же знаешь, как он относится к убийцам, которые убивают из корыстолюбия. Как по мне, так он к маньякам испытывает больше сочувствия, чем к тем, кто убивает ради наживы. Ну и, кроме того, разве тебе самой не интересно, что семейке нашей красавицы от Николаса понадобилось? Может, конечно, и он сам... Всё-таки Высокий лорд Предвечного королевства очень выгодная партия. Но даже, если и он сам, вряд ли Иттана будет добиваться его честными способами. Всё же, не зря говорится, что привычка – это вторая натура. Не она сама, так батюшка её обязательно предпримет необходимые, по его мнению меры. И вот тут-то мы его и поймаем!

– Может быть, поймаем, а может... – со вздохом поправила подругу влюбленная принцесса. – Просто, как по мне, так в окружении Ника и так более, чем достаточно беспринципных, способных на всё ради власти, титула и богатства убийц, чтобы пополнять их ряды ещё и за счёт кандидатов со стороны!

На это Эльжбета лишь сочувственно улыбнулась и пожала плечами, имея в виду, а что делать, работа у нас такая.

– Ладно, – махнув рукой, кивнула Вивиан. Вслед за чем указала на претендентку, выделяющуюся из всех своей предусмотрительностью.

«Хотя... вполне возможно, девушка просто любит читать», – мысленно поправила она себя и поинтересовалась у подруги: – Что скажешь об этой?

Посмотрев на девушку, Эльжбета нахмурилась и отвела в сторону взгляд, явно пытаясь вспомнить, кто же это такая...

Вивиан понимающе хмыкнула. Огромные на пол-лица очки скрывали верхнюю часть лица девушки, на которую она указала, а книга, которую та столь увлеченно читала, нижнюю.

То же самое, в некотором роде, касалось также и её фигуры и одежды. Кроме того, что безымянная пока девица изначально была одета в полностью скрывающую достоинства её фигуры хламиду, она ещё и сидела так, что, хрим разберешь, какого она роста и телесной конституции.

Как результат, единственное, что можно было сказать об очкастом нечто, это то, что хламиды её была пошита из о-ооочень дорогой ткани.

– Ганхилда Ойвиндская... кажется... – через какое-то время неуверенно проговорила Эльжбета, скользя при этом по лицам остальным девушкам. – Да, точно, это та, которая круглая сирота! – наконец, удовлетворенно кивнула она своим мыслям. – Просто на магоснимке, который я видела, когда изучала её досье, она была без очков, и сегодня, когда я её навестила, она тоже была без очков, – извиняющимся тоном объяснила она. И вдруг неосознанно даже для самой себя добавила: – Бедная девочка... знала бы она, как они её уродуют, – сочувственно проговорила она и тут же горячо и страстно заявила: – На бал она в них не пойдёт! Или я буду не я! И платье я ей тоже сама выберу! И вообще я беру над ней шефство!

Услышав произнесенные столь страстным тоном, столь нетипичные для её не особо альтруистичной и сердобольной подружки заявления, Вивиан искренне обеспокоилась.

– Бэ-эээта... с тобой всё хорошо? – схватив подругу за руку и сканируя её на предмет постороннего влияния, поинтересовалась она.

– Нет! – резко и раздраженно вдруг огрызнулась та. – Со мной не всё хорошо! Я в бешенстве! Это девочка, как я уже сказала, круглая сирота! Но не бесприданница! С большой буквы НЕ БЕС-ПРЕ-ДАН-НИ-ЦА! – добавила она по слогам. – Настолько не бесприданница, что за те деньги, которые остались ей в наследство после гибели родителей, она смогла бы позволить себе не только тысячу магических операций на глазах сделать, но и купить себе тысячу пар новых глаз! Однако при этом она носит очки! Причём самые дешёвые и уродливые из возможных! Что же касается платья, то я вообще молчу! Ты посмотри только, что на ней надето, Ви! – продолжала возмущаться Эльжбета, мысленно досадуя на недостаток времени, который не позволил ей изучить до конца каждое досье вверенных её присмотру девушек.

Но как только у неё появится свободная минутка, она это исправит. И если её подозрения подтвердятся, точнее, не если, а когда, ибо насчет того, что бедняжке достался недобросовестной опекун – у неё не было ни единого сомнения, мерзавцу мало не покажется!

– Я смотрю, – одновременно задумчиво и многозначительно проговорила Вивиан. – И теперь понимаю, почему наш шеф так обеспокоился, когда увидел у девушек журналы и предположил, что это дело рук шпионов Лафея. Они ведь с дядей на этот, так называемый, конкурс невест отобрали не только отчаявшихся бесприданниц, но и тех девушек, которых можно было бы использовать в качестве наживки, чтобы заманить в расставленные ими сети слишком осторожную и хитроумную рыбку. А почему бы и нет? Наверняка, думали эти аферисты! – иронично усмехнулась девушка. – Раз уж представилась такая возможность, так почему бы и не воспользоваться! Благое же дело! Тем более, что они были уверены, что всё просчитали и обо всём позаботились. Более того, они, наверняка, уже предвкушали славный улов! И тут вдруг выяснилось, что в их планы вмешался неучтенный фактор, с которым они не только не знают, как бороться, но и даже не понимают, как он действует. Хримовы махинаторы! – покачав головой, фыркнула она. – Я это к тому, что у Ганхилды твоей проблемы не только с платьем!

Эльжбета хотела съязвить, сказав что-то наподобие: «Правда?! Ах! И как же это я сама не догадалась!», но передумала и просто уточнила:

– Ты тоже думаешь, что опекун отправил её сюда не просто в надежде, что она не переживёт обор, а с намерением под шумок избавиться от препятствия к столь вожаемым, но недоступным ему капиталам?

Вивиан согласно кивнула.

– Угу. Следующая на твой выбор, – предложила она подруге.

Эльжбета пробежалась взглядом по сучающим, подрёмывающим и откровенно спящим барышням, остановила свой взгляд на наследнице древнего, но обнищавшего рода Агнетте Виртаненской, и уже даже открыла рот, чтобы начать рассказывать о ней, как вдруг...

Раздался истошный вопль!

Затем ещё один. И ещё один!

– Твою ж предвечную! – дружным хором высказали своё отношение к происходящему Вивиан и Эльжбета, переглянувшись между собой. Вслед за чем, столь же дружно ринулись в смотровую гостиную.

Глава 4

Вигдис Фридлейф опаздывала... и потому по коридору не шла, а летела сломя голову. Ведь опаздывала она не куда-нибудь, а на бал Первого Выбора.

Она так готовилась, так ждала, когда же бал, наконец, настанет и вот на тебе, пожалуйста! Бал начался без неё.

Вигдис пыталась вспомнить, как так получилось, что она опоздала? Каким образом она отстала от остальных невест? И не могла. По крайней мере, успокаивала она себе, она точно знает, в каком направлении ей нужно двигаться.

Дорогу ей подсказывали звучащие с каждой секундой всё громче музыка, смех и веселые голоса.

А вот и церемониймейстер, который «ох какой же он душка!», не задав ни одного вопроса и не выказав никакого недовольства по поводу нарушения протокола, просто распахнул перед ней двери, зычно выкрикнув при этом:

– Младшая дочь председателя Первой¹ купеческой гильдии Вигдис Фридлейф!

Исполненная самых радужных предвкушений она шагнула в светлый, праздничный зал и чуть не задохнулась от восторга. Одетый в парадный мундир Высокий огненный лорд, высокий, мужественный, весь такой потрясающе красивый, что аж дух захватывало, встречал её прямо у дверей.

«Ох! Но откуда он знал? Ох! Это что же получается, что он ждал только её? Ох! – горячим вихрем пронеслось у неё в голове. – Ох! Так вот зачем придумали реверансы! Чтобы задыхающаяся от смущения дама, смогла получить возможность восстановить дыхание! Ох! Вечная и бесконечная благодарность этому придумщику!»

– Вы обворожительны, леди Вигдис, – нежно и проникновенно произнес Высокий лорд в ответ на её реверанс.

«Ох какой у него голос! Чистый бархат! И он назвал меня леди! Ах!» – подумала она и подняла пунцовое лицо на лорда.

Кой-то взиравший на неё не просто восхищенным, но влюбленным взором, целуя при этом кончики её пальчиков.

Ах! Она так растерялась, что даже не знала, что сказать.

Но слова и не требовались. Её взгляд всё ему сказал. Об этом ей сообщила его осветившееся счастливой улыбкой лицо.

Ах!

Её уже настоящий жених предложил ей локоть и уверенно повел вглубь зала.

Само собой, толпа перед ними сразу же расступилась. Путь оказался неожиданно длинным. Однако купающаяся в восхищенных и завистливых взглядах Вигдис нисколько не возражала. Лорд сделал свой выбор и теперь, ведя её медленно по кругу, сообщал об этом всем. Не возражала, к слову, это мягко говоря, она наслаждалась, она была абсолютно счастлива, это был её ТРИУМФ!

Как вдруг её солнечное сплетение обожгла острая боль, растеклась жидким пламенем по всему телу. Руки метнулись к источнику боли и наткнулись на что-то холодное, мокрое

¹ Купцы Первой гильдии имели право торговать внутри и вне границ Империи оптом и в розницу, приобретать фабрики и заводы, морские и речные суда, носить мундир. Кроме этого, они могли заниматься банковским делом, иметь страховые конторы и заключать частные контракты на любую сумму. Права купцов Второй гильдии отличались тем, что они не могли торговать вне границ Империи, приобретать морские суда, иметь страховые конторы и вести банковские дела. Купцы Третьей гильдии имели право заниматься мелкой торговлей, производить мелкие ремесленные товары, приобретать небольшие речные суда, трактиры, постоялые дворы только на территории того Королевства, торговая палата которого выдала им разрешение на торговлю.

и обоюдоострое. Едва она осознала, что это может быть, ноги ей ослабли, она вцепилась в руку прекрасного как солнце, лорда, глядя на него расширившимися от ужаса и непонимания глазами.

Еще мгновение назад тёплые, наполненные солнечным светом, карие глаза смотрели холодно и презрительно.

– И ты тоже, конечно же, хочешь узнать, почему я тебя убил? – насмешливо поинтересовались у неё.

Она кивнула. Да, она хотела.

– Что ж открою тебе мой маленький секрет, – криво усмехнувшись, прошептал её убийца и, щёлкнув пальцами, явил ей, как он тут же прокомментировал, своё истинное лицо.

Казалось бы, она лежит на полу, истекая кровью. Она умирает. Что может быть страшнее этого? И всё же увидев истинное обличье демона, коим оказался, Высокий лорд – она закричала. Закричала так, как до сих пор даже не знала, что умеет кричать.

Каиса Зигфрит Ивар тоже не шла, а летела.

– Я знала, – шептала она, смотря в глаза самому красивому в мире мужчине, глаза её сияли. – Я знала, что вы моя судьба!

Её судьба наклонился к ней, обдав тёплым и свежим, как запах полевых цветов, дыханием. Он нежно и невесомо, словно держал в руках перышко, коснулся пальцами ее лица и прошептал с придыханием.

– А ты моя... Моя любимая... – Высокий лорд прошептал ей это в самое ушко, и то вспыхнуло, покраснело. И если бы только ушко. Вся она словно фитиль вспыхнула. И затрепетала, как и положено жаркому пламени.

Он заметил это и улыбнулся. Провёл ладонью по волосам. Взял за подбородок.

Он меня сейчас поцелует! Счастливо подумала Каиса и зажмурила глаза.

И он не обманул её ожиданий. Поцеловал. Сначала в щечку, затем в уголок рта и, наконец, в губы. И первый и второй и третий поцелуи были лёгкими и нежными. Слишком лёгкими и нежными. Она хотела большего. Настолько хотела, что физически ощущала острое разочарование.

Но она не обиделась на него, поскольку понимала: она леди и он боится её оскорбить. И от этого она любила его ещё больше! Хотя, куда уж больше?

И он её любит. Ведь любит же? Она открыла глаза, чтобы заглянуть ему в глаза и увидеть в них ответ.

Однако её любимого больше с ней не было. Удивленная она начала озиаться. Но его нигде не было!

Хуже того...

Она стояла совершенно одна на самом краю Защитной стены, со всех сторон продуваемая злыми северными ветрами, которые трепали ей волосы и заставляли дрожать всем телом. И её босые ноги опасно скользили по ледяному настилу Стены.

Накатившая волна паники спазмом сдавила горло и заставила сердце пропустить удар. Каиса в ужасе закрыла глаза.

– Ты ведь хочешь, чтобы мы всегда были вместе? – вдруг поинтересовался за её спиной голос любимого, который каким-то образом сразу же её успокоил.

Она кивнула и горячо заверила.

– Больше всего на свете!

– Тогда учись летать! – мурлыкнул ей на ухо любимый и грубо толкнул в спину.

Истошный крик вырвался из горла девушки, даже прежде чем она осознала, что она летит в пропасть.

Ловиз Йорн Оллила тоже летела на крыльях любви и счастья.

Высокий лорд всё-таки её заметил. Не просто заметил. Он её выбрал из двенадцати других красавиц. Он предпочёл её даже принцессе! Ах, как же папенька с маменькой обрадуются! И братья тоже! И сама она так счастлива. Так счастлива!

Ах какой сегодня был день. Начался, правда, с огорчения. Она, разумеется, не ждала, что Высокий лорд побежит, перецепаясь и ломая ноги, чтобы помочь ей выйти из кареты, но вот на то, что он ручку ей при встрече поцелует... да, рассчитывала. А он лишь скользнул равнодушным, скучающим взглядом и слегка склонил голову в знак приветствия.

Однако на балу всё было по-другому. Он извинился. И всё объяснил ей. Всему виной была его забота о её безопасности. Он опасался, что заметь кто, его повышенный к ней интерес, и её могла бы постигнуть печальная судьба его жен и первых двух невест. А она слишком ему дорога! Именно поэтому, оттанцевав с ней два положенных по протоколу танца, он не пригласил её на третий, а предложил прогуляться в зимнем саду вдали от завистливых глаз её соперниц и просто злых глаз его врагов.

И, конечно же, она согласилась! Ведь он её колечко родовое подарил!

И теперь вот спешила она навстречу своему счастью тёмными коридорами, ведомая этим самым колечком.

Свернула в один коридор. Затем в другой. Затем начала спускаться по лестнице...

Как вдруг послышались ей шаги. И чьё-то тяжелое дыхание прямо за её спиной. Ловиз остановилась, прислушалась. Нет, никаких шагов. Обернулась. Осмотрелась. Никого.

Может, спрятался злодей? Мелькнула мысль. И сердце от этой мысли забилося сильно-сильно.

Глупая! Сама надо собой посмеялась она. Где ж тут прятаться? Прячутся в тёмных углах. А здесь, куда не глянь везде светло, как бывает только в самый солнечный день.

Нет, никого нет. Показалось. Убежденно подумала она. И успокоилась.

Тем более, что всего один лестничный пролёт остался и вон уже впереди сад виднеется, в котором её ждёт её будущий муж. И она, радостно улыбнувшись, решительно ступила на ступеньку.

И в тот же момент кто-то толкнул её в спину.

Ловиз забилась птицей со сломанными крыльями и закричала...

Глава 5

Первым, даже прежде, чем закричала Вигдис, нечто неосознано неладное почувствовал эмпат. О чём условным знаком сразу же сообщил своему коллеге менталисту. И тот, настроившись на ментальные эманации, кивнул, говоря тем самым, что он тоже что-то чувствует.

– Источник? – одними губами уточнил Закери.

Подняв вверх указательный палец, Турин отрицательно покачал головой, говоря тем самым: пока нет, но след есть.

И именно в этот момент истошно закричала сначала Вигдис Фридлейф, затем завопила Каиса Зигфрит Ивар и, почти одновременно с ней – Ловиз Йорн Оллила.

– Я займусь этой! – уведомил всех присутствующих Закери, указав на Вигдис. – А вы, – добавил он, обведя беглым взглядом растерянно уставившихся на него девушек, – этими! – кивнул он на Каису и Ловиз. Вслед за чем склонился над Вигдис: – Тише, тише! Это всего лишь сон! Всё хорошо, ты в безопасности... – начал успокаивать он девушку и тут заметил, что ни одна из девиц даже с места не сдвинулась.

– Я попросил о чём-то, что ниже вашего достоинства, леди?! – раздраженно поинтересовался он.

– Мы просто не поняли, что значит, займитесь? – озвучила, всеобщее мнение Беребра Халстейн.

Закери закатил глаза.

«Ну, что за идиотки!» – мысленно выругался он. Вслух, однако, он выдал более дельный комментарий: – То же, что и я!

В этот момент, к его облегчению, в смотровую гостиную вбежали Вивиан и Эльжбета. Первая, не раздумывая, направилась к Каисе, вторая – Ловиз.

Турин Ярвинен готов был голову дать на отсечение, что на девушек было оказано магическое воздействие. Об этом говорили не только подвергшиеся энергетическому пробою ауры девушек, но и паучье чутье, которое никогда его не подводило. Вот только воздействие это было... не то, чтобы тонким или искусным, оно просто не было ментальным. Как не было оно и проклятием. Что было хорошей новостью для девушек и плохой для него, поскольку ментальное воздействие и проклятие можно было бы отследить, а вот сглаз и внушение – нет.

«Если это, конечно, сглаз или внушение... – размышлял он, скользя медленным взглядом по комнате и одновременно прислушиваясь к тому, что рассказывали жертвы кошмарных сновидений. Точнее, не рассказывали, а думали, поскольку вслух девушки лишь громко охали, ахали и бурно радовались тому, что всё увиденное ими во сне – во сне и осталось. О том же, что именно им приснилось, ни одна из троих не произнесла ни слова. Словно договорившись между собой, все три сослались на то, что единственное, о чём они помнят – это то, как чуть не умерли.

Само собой, ни Эльжбета, ни Вивиан не стали настаивать на правде и только правде. Во-первых, при всех – это было бы и некорректно, и непрофессионально. Во-вторых, они знали, что всё, что им нужно узнать о кошмарах невест – они узнают от Турина и Закери.

Агнетта между тем мучилась одновременно и сомнением и раскаянием. С одной стороны, она сомневалась в том, что кошмары всех трёх её рук дело. С другой же, ругала себя за неумение контролировать своё раздражение: если это всё-таки она и её каким-то образом вычислят (хотя и не должны, благодаря особенностям её магического дара и врожденной способности скрывать от окружающих свои мысли и эмоции) могут ведь и с отбора выгнать. Просто за воздействие не выгнали бы, конечно, но, если вскроется, что она скрывала свой дар... А ей никак нельзя быть выгнанной с отбора, который был её единственным шансом выйти замуж за лорда. Причём, не обязательно за Высокого. Она будет рада любому лорду. Точнее,

не совсем любому. Такой же нищий, как и её отец, ей не нужен. И ещё ей не нужен старый, некрасивый, невоспитанный и злой.

Другими словами, не так уж много она и хочет, всего лишь ровно то, что предлагает и сама. Она добра, юна, хорошо воспитана, красива... да, небогата, мягко говоря, зато о-о-очень древнего рода. В общем, идеальная супруга для любого молодого, доброго, красивого, воспитанного и богатого лорда. Посему, если её выгонят, то несчастной на всю жизнь останется не только она, но и молодой, добрый, красивый, воспитанный и богатый лорд, которого она не осчастливит. Так что нет, никак нельзя ей быть выгнанной с отбора.

Тем более, что Агнетта не была уверена, что девушек сглазила именно она. Она снова и снова прокручивала в голове сделанное ею в сердцах пожелание: «Что б тебе кошмар приснился!», пытаясь понять каким образом оно распространилось также и на двух других спящих.

«Ведь я ничего не имела против них. Зато я имела очень много против того, что они спали, – возразила она сама себе. Однако тут же возразила снова: – Но я ведь даже не знала, что и они тоже спали! Как я могла им что-то пожелать, если я о них даже не думала? Может правильнее признаться? – поглядывая на Турина, снова и снова задавалась она вопросом. – Он милый, хоть и явно из тайной канцелярии. Может, если я ему всё объясню, он поймёт? – с надеждой думала она. И тут же сама себе возражала: – А если не поймёт? Что я тогда буду делать? Тем более, он меня уже подозревает! Вон как смотрит! – захлопав ресничками и мило улыбнувшись, подумала она и приняла решение: – Нет, уж лучше молчать. Ведь не зря же говорят: молчание – золото!»

Турин и, в самом деле, её подозревал. Во-первых, из-за щита. С одной стороны, он понимал причины, сподвигшие девушку прикрыться ментальным щитом. Ведь только что на её глазах три девушки подверглись воздействию. С другой стороны, в жилах Агнетты Виртаненской текла столь древняя кровь, что он не удивился бы, узнай, что девушка умеет не только прикрываться ментальным щитом, но и ментально воздействовать. Причём воздействовать, почти не оставляя следов.

Агнетта же продолжала хлопать ресничками, улыбаться и... смотреть во все глаза на предполагаемого агента тайной канцелярии. Всё больше и больше находя его милым. И таким она его, в конце концов, нашла милым, что не сдержалась и поинтересовалась:

– А вы случайно не лорд?

От подозреваемых, желающих увести разговор в более безопасную для них плоскость, за пять лет службы Турин наслушался самых разных вопросов. О чем только у него не спрашивали, но вот о том, лорд он или нет – не спрашивал никто и никогда. Более того, его вообще никто и никогда не спрашивал о том, лорд он или нет.

«Почему? – искренне озадачился он вдруг. – Потому что не сомневались, что я – лорд или наоборот?»

И так эта мысль Турина озаботила, что он повёл себя, по его собственному мнению, в высшей степени непрофессионально: как какой-нибудь стажёр повёлся на хитрость подозреваемой.

– А вы как думаете? Лорд я или не лорд? – услышал он вдруг свой голос.

И если бы только это. Но он ещё и затаив дыхание, ожидал ответа.

Услышав вопрос, красавица густо покраснела и заморгала ещё чаще.

– Ка-аак я-ааа ду-уума-ааю? – растягивая слова, переспросила она с придыханием.

– Угу, – подтвердил Турин. И для пущей ясности уточнил: – Вы, леди Агнетта.

Агнетта Виртаненская на это застенчиво улыбнулась и, принявшись постукивать тоненьким пальчиком по пухлым губкам, задумалась...

Турин же ждал ответа. Ну и пока ждал, глаза его сами собой следили за тоненьким, изящным пальчиком и пухлыми, алыми губками, по которым он постукивал. Разумеется, что сле-

дили его глаза исключительно в целях – не упустить момента, когда красавица вынесет, наконец, вердикт.

И не то, чтобы Турин слишком уж увлёкся созерцанием, то есть, ожиданием, но так уж вышло, что появление шефа в гостиной и его обращенные к нему слова он пропустил. Начисто.

– Лорд Ярвинен, могут ли леди уже покинуть гостиную, чтобы успеть переодеться к балу? – прозвучавший над ухом вкрадчиво-тихий, ехидно-елейный голос начальства оказал на Турина где-то такое же воздействие, как если бы его огрели тупым предметом по голове, то есть, головокружительно-дезориентирующее.

– Ваше Сиятельство, я-ааа... – пробормотал, озадаченно уставившись на начальство Турин.

– Да, вы, лорд Ярвинен, – мягко подтвердил шеф и покровительственно-иронично продолжил: – Нас всех интересует именно ваше мнение. Итак, вы разрешаете леди покинуть эту комнату или нет?

– Да, да, конечно же. Они все могут покинуть комнату, – энергично закивал головой окупфузившийся менталист.

Получив разрешение, утомленные мало того, что долгим, так ещё и бестолковым сидением красавицы тут же поднялись со своих мест и поспешили на выход.

– Господа, – обратился главный дознаватель к гвардейцам. – Надеюсь, мне не нужно вам напоминать, что вы отвечаете за каждую из этих леди головой.

Гвардейцы закивали, мол, нет, не нужно. Леди закивали, мол, премного благодарно за заботу. Вслед за чем, распрощавшись с дознавателем реверансами разной степени изящества, покинули гостиную.

Как только за последней из невест закрылась дверь, главный дознаватель обреченно вздохнул и устало поинтересовался:

– Итак, что у вас здесь произошло?

Шеф задал вопрос, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь, и даже смотрел при этом в окно. Однако Турина знал: ответа ждут именно от него. И коллеги его, судя по их дружному молчанию и тому, как сочувственно они на него смотрели, тоже это знали.

Турин вздохнул, откашлялся и начал с самого начала, в надежде, что разложенные по полочкам и озвученные вслух события и факты помогут ему и самому понять, что здесь произошло.

Надежды, однако, как это часто с ними случается, не оправдались. И он был вынужден признать, что ему оказалось не по силам и знаниям не только источник определить, но и понять природу приснившегося девушкам кошмара. А потому у него одни только предположения, допущения, подозрения и никаких доказательств...

– Хитрая и ушлая в чарах, говоришь, девица и потому подозрительная... – скептически глядя на подчиненного, хмыкнул Илберт Смартис и, насмешливо блеснув глазами, поинтересовался: – А может ты просто влюбился и потому залип?

Турин аж задохнулся от такого предположения.

– Ваша Светлость, я... Да я... Да я просто ждал ответа, а не залип! – горячо и убежденно заверил он шефа, напряженно наблюдая за тем, как тот обходит его по кругу. – Шеф, вы чего? – опасливо спросил он, заметив не просто заинтересованный, а задумчиво-изучающий взгляд начальства, который к тому же светился лукавством. И ещё одобрением, которое он тут же и озвучил: – Хорош!

– Пасибо, – ошалело буркнул Турин, почувствовав, как кольнуло от дурного предчувствия сердце.

– Молод, красив, богат и знатен! – с отцовской гордостью в голосе, перечислило начальство. – Все условия соблюдены. И потому Высокому лорду придётся тебе уступить!

– У-ууступить что? – мужественно уточнил Турин, хотя и знал, что ответ ему о-очень не понравится.

– Не что, а кого! Агнетту Виртаненскую тебе в невесты! – осчастливили его ответом и, естественно, взяли паузу, чтобы полюбоваться на его вытянувшееся лицо и округлившиеся от удивления глаза.

Словно этого было мало, пред мысленным взором Турина вдруг появились пухлые, алые губки и постукивающий по ним изящный пальчик. Как результат, вдобавок он ещё и мучительно покраснел. Что, естественно, не осталось незамеченным. О чем ему тут же яснее и четче самых громких слов сообщили широкие одновременно понимающие и насмешливые улыбки коллег и начальства.

– Как маленькие дети, право слово! – укоризненно покосившись на посмеивающихся с него Вивиан и Эльжбету, ворчливо прокомментировал молодой человек. Вслед за чем, перевел взгляд на насмешливо взирающее на него начальство и, дабы дать всем понять, что в отличие от них, он думает о деле, а не о том, о чём они там себе думают, с самым серьёзным и сосредоточенным видом отрапортовал: – Задачу сблизиться с подозреваемой, дабы получить возможность подтвердить или опровергнуть наши подозрения, понял! Разрешите приступить?!

– Разрешаю, – со вздохом, кивнул Илберт и тут же ворчливо добавил: – Но предупреждаю! Не потеряй голову! Слишком увлечешься сближением, женишься! Понял?

– Шеф, за кого вы меня принимаете? – обиделся Турин. – Я ж к женщинам всегда со всем уважением, а наша подозреваемая ещё и юная леди, к тому же! Уж будьте уверены, я не из тех, кто способен забыть о таком!

Илберт снова вздохнул.

– Так я и думал, – неодобрительно покачал он головой и вдруг, как рявкнет: – Ответ неправильный, агент! Агнетта Виртаненская – прежде всего, это «древняя кровь» со всеми вытекающими из этого определения последствиями! Вот о чём ты должен помнить! Ну что, всё ещё уверен, что задание тебе по зубам?

Турин упрямо кивнул и напомнил:

– В моих жилах тоже течёт «древняя кровь». К тому же, я – не просто сильный, но опытный менталист. И я буду острожен, шеф, – заверил он напоследок.

Глава 6

Несмотря на то, что она впервые в жизни собирала себя на бал от начала и до конца совершенно самостоятельно, полученным результатом Вивиен осталась довольна.

Расшитые морозной вышивкой небесная голубизна шёлка и аквамариновая нежность шифона, изумительно подходили к цвету её глаз. Обрисовывающий тоненькую фигурку край платья в самом выгодном свете демонстрировал её точеные плечи. Декольте было не столько глубоким, сколько кокетливым. Образ прекрасной зимней феи дополнял ювелирный комплект тончайшей работы из серебра, бирюзы и бриллиантов. Ожерелье и браслеты подчеркнули изящество линий лебединой шеи и тонких запястий. Диадема – белоснежно-пепельную красоту волос. Серьги – в целом, сделали образ завершенным.

– О-о-о... Ты така-аа-я краси-ивая! – прижав призрачные кулачки к груди, восторженно выдохнула Британи.

– Спасибо, солнышко, – счастливо улыбнулась Вивиан и, не удержавшись, ещё раз посмотрела на себя в зеркало. И...

Полностью согласилась с подругой: она было диво как хороша.

Ах, как же ей хотелось, чтобы и Николас тоже нашёл её волшебной прекрасной.

С этой мыслью она широко распахнула двери и переступила порог своих покоев, за которыми её уже дожидался... предмет её грёз, собственной персоной.

Озаренная мягким светом предзакатного солнца, она показалась ожидавшему её Высокому лорду сотканным из его чаяний и солнечного света видением.

Вивиан была в более выгодном положении, чем Высокий лорд, поскольку уже видела его и при свете ламп, и в парадном мундире. И, возможно, если бы она ожидала его увидеть под своей дверью, то сумела бы воспользоваться своим преимуществом, и в этом случае способность дышать осталась бы при ней.

Но она не ожидала.

И потому выйдя из своей гостиной, Вивиан, затаив дыхание, замерла под восхищенным взглядом остолбеневшего и онемевшего ослепительно прекрасного Высокого лорда.

Настолько прекрасного, что от его красоты у неё закружилась голова...

Или это от недостатка воздуха?

– Вв-вы... пришли проводить меня лично? – в конце концов, не выдержав, и судорожно вдохнув, и выдохнув, смущенно спросила девушка.

– Ч-что? – хрипло переспросил мужчина, встряхивая головой так, словно сбрасывал с себя морок.

В ответ на это, с интересом взирающие на парочку и до сих пор просто многозначительно переглядывающиеся между собой и добродушно улыбающиеся гвардейцы и слуги зашушукались.

– Вы пришли проводить меня в бальный зал лично? – повторила свой вопрос Вивиан.

– Вас это удивляет, учитывая обстоятельства, и то, чья вы – дочь? – вопросом на вопрос с явной иронией в голосе ответили ей. Голос Высокого лорда всё ещё звучал хрипло, да и в целом он ещё не вполне пришёл в себя и потому дал честный, а не галантный ответ. По крайней мере, сам он верил, что ответил предельно честно.

Первым порывом Вивиан было вернуться в свои покои, захлопнув при этом дверь прямо перед носом кретина (как она мысленно теперь величала Высокого лорда). Однако заметно прибывшее количество шепотков на заднем плане заставило её передумать, поэтому она спросила «лишь» о том, как долго ещё Высокий лорд планирует стоять под её дверью истуканом и пялиться на неё во все глаза.

К чести, «кретина», отрицать очевидное он не стал.

– Я просто... – откашлялся он. – Вы, просто застали меня врасплох. Ваша красота, я имею в виду. – Сказав это, он протяжно выдохнул. Затем кивнул, развернулся боком, и, согнув руку в локте, галантно поинтересовался. – Ваше Высочество, вы окажите мне честь, позволите сопроводить вас в бальную залу?

– Теперь да, – улынулась принцесса, сердце которой пело от счастья. – Теперь позволю.

Как вскоре выяснилось, Высокий лорд явился для того, чтобы сопроводить свою важную гостью не в бальный зал, а в малую гостиную, в которой к моменту появления в ней Вивиан уже собрались все невесты.

Оформленная в лиловых тонах просторная гостиная малой, вопреки, названию не выглядела. Противоположную от входа стену занимала анфилада из семи громадных витражных окон, практически прозрачные тюлевые гардины, которых не скрывали открывающийся взору потрясающий вид на зимний сад, а лишь слегка приглушали буйство его красок.

Тем не менее, все восседавшие на диванчиках невесты к потрясающе красивому виду за окнами остались абсолютно равнодушны. Всё их внимание было сосредоточенно на друг друге и зеркалах. Точнее, на нарядах друг друга и собственном отражении в развешанных на колоннах и стенах многочисленных зеркалах. Каждая хотела убедиться, по крайней мере, в своих глазах, что она ничем не хуже других.

И убеждались они в этом настолько рьяно, что, когда в перешагнувшую порог Вивиан, словно кинжалы, воткнулись девять оценивающих взглядов даже она, с детства привыкшая к повышенному пристрастному вниманию, растерялась.

К счастью, едва за её спиной захлопнулась дверь, тут же поднялась Эльжбета, дабы поприветствовать её глубоким реверансом.

– Ваше Высочество, благодарю вас за оказанную нам честь! Иметь возможность лицезреть вас лично истинное счастье для нас! – пробежавшись многозначительно-укоризненным взглядом по остальным своим подопечным, восторженно проговорила она.

Все до единой невесты была бы намного более счастливы, если бы красавицы принцессы среди них не было, но...

Они были девушками хорошо воспитанными, и потому через пару секунд к глубокому реверансу Эльжбеты присоединилось ещё девять глубоких реверансов.

– Графиня Ангельмская, леди, – присев в книксене, ответила на приветствие Её Высочество. – И я тоже счастлива быть среди вас.

– Леди, я ещё раз прошу прощения за то, что отнимаю у вас ваше драгоценное время, – вновь взяла слово Эльжбета. – Причину моего опоздания на прошлый наш сбор я вам уже объяснила, теперь же я хочу известить вас о причине, по которой я вас собирала тогда и собрала сейчас. Я должна вас уведомить о важных изменениях в программе сегодняшнего бала. И самое важное из них заключается в том, что сегодня Его Высочество будет лишь наблюдать за своими невестами, а не танцевать с ними. То есть, вами.

Известие настолько неприятно ошарашило невест, что они даже дар речи потеряли. Но, к сожалению, для Эльжбеты ненадолго.

– Что-ооо? – раздалось возмущенно уже через несколько секунд.

– Но это же бал? – вторил первому возгласу второй.

– И на балу танцуют! – поддержал следующий голос.

– И вы будете танцевать! – поспешила заверить Эльжбета. Вслед за чем, на всякий пожарный случай, во избежание недопониманий уточнила: – Но не с Высоким лордом.

– Но почему? – требовательно спросила генеральская дочь.

– Да, почему?! Мы требуем объяснений! – поддакнула ей дочь Стального лорда.

– Потому что так решил Высокий лорд и потому что в конкурсе участвуете вы, а не Высокий лорд, – невозмутимо парировала Эльжбета, вспомнив, что она вообще-то тут за «главную».

– Вы хотите сказать, что бал – это тоже испытание? – с удивлением спросила купеческая дочь.

– С того момента, как вы приняли приглашение Высокого лорда принять участие в отборе каждый ваш шаг, каждое ваше слово – испытание, леди Фридлейф, – менторским тоном объявила Эльжбета, обращаясь при этом сразу ко всем. – Ну что, у кого-нибудь ещё есть вопросы? – дабы поставить точку, уточнила она.

Вопросов не было.

– Так, я и думала, – удовлетворенно кивнула она. – В таком случае, мне остается только напомнить вам, что Высокий лорд – один, а вас десять. Поэтому, леди, я на вашем месте при-смотрелась бы также и к другим кандидатам в мужья, которые, насколько я слышала, все, как один – молодые, знатны и богаты.

– Но Высокий лорд? Вдруг ему не понравится, что мы танцуем с другими мужчинами? Тем более, вы сами сказали, что это испытание! – возмутились самые подозрительные из невест.

Эльжбета изогнула правую бровь и, расплывшись в такой приторно-слащавой улыбке, что даже у неё зубы свело, поинтересовалась:

– Другими словами, леди, вы считаете, что Высокий лорд пригласил вас на бал для того, чтобы полюбоваться на то, как вы будете подпирать стенку, уплетая при этом за обе щеки закуски? Что ж, тогда, удачи вам в этом увлекательном занятии! – насмешливо резюмировала она.

Затем вымахнула рукой и в тот же момент в гостиную, в буквальном значении этого слова, впорхнул, одетый в расшитую золотом ливрею церемониймейстер:

– Леди, я буду приглашать вас в зал и объявлять в том порядке, в котором вы прибыли в замок, – с таким видом, словно доверял важную государственную тайну, проинструктировал он.

Вслед за чем щелчком пальцев заставил распахнуться обе створки дверей и, склонившись перед Вивиан в низком поклоне, пригласил её следовать за ним.

– Её Императорское Высочество Принцесса Вивиан, младшая дочь Его Императорского Величества Великого Императора Малькольма! – зычно объявил церемониймейстер.

Гул голосов в зале тут же стих и взоры практически всех в нём присутствующих тут же обратились на Вивиан.

Позволяя себя рассмотреть, Её Высочество постояла секунду-другую на пороге, затем медленно, с поистине королевским достоинством двинулась навстречу к шедшему к ней, дабы лично поприветствовать Высокому лорду.

Мужчины кланялись. Женщины делали реверансы. Во взглядах и первых и вторых читалось искреннее восхищение и любование.

– Я сражен на повал, Ваше Высочество, – в ответ на книксен с легкой хрипотцой в голосе произнес Высокий лорд, слегка склонив при этом голову. Вслед за чем, предложив локоть, неспешно шефствуя, повел девушку сквозь толпу, позволяя тем самым всем вблизи рассмотреть, что именно его сразило наповал в конкретно этой невесте.

Последней остановкой их шествия оказались заставленные самыми разнообразными, изысканными кушаньями фуршетные столы. Увидев которые и уловив исходящий от них аромат, Вивиан вспомнила, что ничего не ела с самого утра. Посему она не только ничего не имела против того, чтобы её тут оставили, но искренне желала этого и только этого. Даже несмотря на то, что оставляли её не просто ради другой женщины, а целого отряда других женщин.

Любовь, как говорится, приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Судя по скорости, с какой с тарелок исчезали деликатесы, такого же мнения оказались и все остальные невесты. Хотя, возможно, некоторые из них, особенно те, которые с обманчи-

вым равнодушием без конца поглядывали в сторону дверей, к которым то и дело курсировал Высокий лорд, просто заедали стресс.

Наконец, последняя из невест была доставлена к фуршетным столам и церемониймейстер, к облегчению всех присутствующих объявил об окончании официальной части. В подтверждение его слов в зале тут же зазвучали возвышенно-торжественные аккорды полонеза.

Согласно традициям, этот танец всегда открывал хозяин в паре со своей наиболее почётной гостьей, коей в зале была младшая дочь Императора.

– Как с нами, так он не танцует! А как с принцессой, так всегда пожалуйста! Так нечестно! Нечестно! Нечестно! – едва только Высокий лорд направился к Вивиан, чтобы открыть с ней бал, раздались возмущенные шепотки других невест за её спиной.

– Ваше Высочество, вы составите мне честь, – целуя кончики пальцев Вивиан, склонился перед ней в поклоне Николас.

– Благодарю, с удовольствием, – с широкой улыбкой ответила Её Высочество, с удивлением осознавая, что не чувствует за собой никакой вины перед своими менее родовитыми соперницами.

Да, она получила этот танец только потому, что она – императорская дочь. Вот только вряд ли Николас не знал, какой именно танец открывает организованный им бал. Однозначно знал. И всё равно оставил Полонез.

Вивиан уверено протянула руку и, ведомая своим галантным кавалером, отправилась с ним в торжественное дефиле по залу. Вслед за ними в точном соответствии с протоколом к полонезу присоединились самый почетный из гостей, коим был главный имперский дознаватель, и хозяйка замка (точнее приравненная к ней особа), коей была старшая из невесток хозяина замка.

Глава 7

Тем временем, к стоящим кучкой возле фуршетных столов невестам с более чем определенными намерениями приблизилась целая толпа кавалеров.

Не знающие, что им делать и как им быть девушки заволновались и принялись растерянно переглядываться. С одной стороны, им совершенно не хотелось подпирать стену. С другой же, а вдруг это проверка и своим согласием они нанесут оскорблению своему жениху?

Впрочем, так думали не все.

Например, наследница древнего, но обедневшего рода Агнетта Виртаненская не испытывала никаких сомнений или неуверенности. Она приехала сюда за молодым, красивым и богатым лордом. И если верить распорядительнице, то любой из находящихся в зале молодых людей, был именно таковым. Так чего же ей ещё желать? Разве что голубоглазого красавчика менталиста... Ну так вот и он!

Идёт в её направлении и призывно улыбается. Настолько призывно, что Агнетта не выдержала и даже сделала ему шаг навстречу. Более того, хотела сделать и ещё один. Но вовремя себя остановила. А то, мало ли, решит, что она совсем отчаявшаяся.

Оно, конечно, так и есть. Но зачем же выставлять это на показ? Правильно. Совершенно незачем. Решила она и, собрав всю свою волю в кулак, заставила себя отвести взгляд от приближающегося к ней молодого человека.

Правда, всего на пару секунд. Слишком уж она опасалась того, что пока она смотрит по сторонам, её лорда у неё прямо из-под носа возьмут и уведут кандидатки, которым красивый, молодой и богатый муж нужнее, чем чувство собственного достоинства.

Её дерганные, противоречивые телодвижения не ускользнули от Турина. Однако он расценил их признаком не душевного волнения, а спровоцированного нечистой совестью нервного напряжения. И посему не сомневался: его ждёт вежливый, но решительный отказ.

Однако Агнетта Виртаненская, которую молодой дознаватель заочно уже обвинил и осудил, его удивила. Не успел он к ней подойти и склониться в учтивом поклоне, как лицо её осветилось искренней, радостной улыбкой.

– Да, с удовольствием, – положив руку на плечо Турина, ответила Агнетта прежде, чем он успел озвучить приглашение на танец.

В своих самых розовых девичьих мечтах Вигдис Фридлейф, разумеется, видела себя Высокой леди, но блаженной она не была. Наоборот она была весьма разумной и очень практичной девушкой. Зря, что ли, папенька её счетоводству, торговому делу и экономике чуть ли не с пеленок обучал? Нет, не зря. А потому посмотрела Вигдис на счастливо улыбающуюся Агнетту и решила:

«А ну его этого Высокого лорда! Можно подумать, на нём белый свет сошелся! К тому же, вдруг и в, самом деле, мечом проткнёт! Нет, не нужно ей аж та-акое счастье! Она девушка скромная, ей вполне хватит и самого обычного, рядового счастья, например, такого, как вот этот хорошенький лейтенантик, который прямо сейчас с интересом её рассматривает...»

Беребра Халстейн выросла в слишком большой семье, чтобы ждать, пока счастье найдёт её само. Потому изначально, она планировала, что возьмёт Высокого лорда штурмом. Вот только, она не была бы истиной дочерью генерала, если бы, во-первых, не умела просчитывать риски военных компаний, а во-вторых, не знала, что затевать нужно только те сражения, из которых рассчитывала выйти победителем.

Но она была. Умела. И знала.

Посему оценив силы противника и просчитав риски... Нет. От идеи взять вершину штурмом Беребра не отказалась. Единственное, вершину она себе наметила... другую.

Всё это было сказано к тому, что в отличие от Вигдис Фридлейф и остальных невест, генеральскую дочь к действию побудил не пример Агнетты Виртаненской, а изменение в планах завоевательной миссии.

И снова, будучи истинной дочерью генерала, Беребра выбрала в качестве достойной цели не кого попроще, а... капитана Рафаэля Мариуса, который был просто счастлив, что не попал в список одаренных «высочайшей милостью» достойных лордов.

Вот только от «высочайшей милости», если она тебя сама избрала достойным, не так-то легко уйти. Однако капитан был борцом по натуре и потому даже и не подумал сдаться на милость генеральской дочери.

Целеустремленно идущую к нему девуцу он заприметил издали. И как истинно галантный рыцарь, совершенно неспособный оскорбить даму отказом... сбежал.

Само собой вовсе не потому, что испугался девушки. А потому что он, будучи человеком благородным, ответственным и честным, не мог себе позволить быть осчастливленным «высочайшей милостью», коей его сочли недостойным.

«Позариться на чужую милость – это ж хуже воровства! А я у своих товарищей по оружию никогда ничего не крал и красть не буду!» – рассуждал он, лавируя в толпе в поисках кого-то из списка «достойных» кандидатов, дабы использовать этого кого-то, в качестве девице-отвода.

Вот только от целеустремленной истинно генеральской дочери, как и от судьбы – пытайся – не пытайся, а всё равно не уйдёшь.

Увидев, что кавалер удаляется, Беребра, не беспокоясь о том, что о ней могут подумать окружающие, ускорила шаг настолько, что практически сорвалась на бег. И не только догнала беглеца, но и обогнала. Причём обогнала не по прямой, а по довольно широкой дуге.

Увидев перед собой присевшую в изящном, но слегка поспешном книксене девушку Мариус не поверил своим глазам. Насколько не поверил, что даже оглянулся. Нет ли позади него ещё одной точно такой же.

Оказалось, что нет, позади него ещё одной точно такой же не было.

«Значит не иллюзия», – мрачно мысленно констатировал мужчина.

– Капитан, не могли бы вы уделить мне пару минут вашего драгоценного времени? – между тем нежным голосом поинтересовалась у него не-иллюзия.

Капитан обреченно вздохнул и уныло изрёк.

– С удовольствием, леди.

Беребра распрямилась и, ослепительно улыбнувшись, протянула руку.

– В таком случае, пойдёмте!

– Пойдёмте? – недоуменно переспросил Мариус. – Куда?

Глаза девушки блеснули озорством.

– К фуршетным столам. А вы что думали, что я вас танцевать позову?

– К фуршетным столам? – удивленно переспросил капитан.

– Да, к фуршетным столам, – повторила девушка и объяснила: – Мне очень хочется кушать и совсем не хочется танцевать. И потому увидев, что вы тоже направляетесь к фуршетным столам, я подумала... Вы ведь к ним шли, прежде чем... гмм... передумали? – вдруг, словно бы спохватившись, уточнила она.

Последний раз перекусивший бутербродом и кофе более двенадцати часов назад Рафаэль и, в самом деле, направлялся к фуршетным столам.

– Я не передумал, просто вспомнил кое о чём, что я должен был сообщить главному дознавателю, – в высшей степени неубедительно соврал капитан, поскольку Беребра знала, что Илберт Смаратис уже с полчаса как «дежурил» у фуршетных столов, уплетая за обе щеки всё, до чего только могла дотянуться его рука.

Однако она была умной девушкой и потому сделала вид, что главного дознавателя она заметила у фуршетных столов вот прямо сию ж секунду.

– Тогда вам тем более нужно к фуршетным столам, потому что лорд-дознатель только что к ним подошёл, – мягко заметила Беребра.

Капитан Мариус, разумеется, мог легко придумать, о чём таком важном поговорить со Смартисом, но одно дело сбежать от совершенно незнакомой девушки, да ещё и надеясь при этом, что девушка не поймёт, что он именно сбежал, а совсем другое – поступить не по-рыцарски с девушкой, к которой он уже успел проникнуться симпатией.

– Вы хотели сказать, НАМ нужно к фуршетным столам, леди ээммм... – подставив локоть, подкорректировал фразу собеседницы Мариус.

– Леди Беребра Халстейн, – беря его под локоть, подсказали ему.

– Лорд Рафаэль Мариус, – представился капитан. – Очень голодный лорд Рафаэль Мариус, поэтому если вдруг заметите, что в моей пасти вместе с таралетками исчезают также и тарелки, во-первых, не удивляйтесь, а во-вторых, не судите строго! – добавил он шутливо.

Глава 8

Сколько Ганхилда себя помнила, её никто и никогда не называл не то, что красивой, но даже миленькой. Зато её часто называли очкастым пуделем или шваброй в очках.

Высокая и худая с рыжими курчавыми волосами, она и сама себя считала похожей на пуделя в очках, которому не повезло родиться двуногой шваброй.

Поэтому она была благодарна уже за то, что нелцеприятные комплименты ей отвечивали не прямо в глаза.

Как же она мечтала избавиться от огромных, в толстой, грубой оправе окуляров, которые не только делали её ещё больше похожей на пугало, но и натирали за ушами, давили на нос и постоянно норовили свалиться. По причине чего, надевая их, она не могла забыть о них ни на минуту. Без них же она почти ничего не видела.

Время от времени, особо сердобольные индивидуумы интересовались у её тётушки, почему она не покажет свою племянницу врачам. Но в том-то и дело было, что врачам Ганхилду показывали. И не раз.

Однако все лекари, как один, утверждали, что Ганхилда страдает редким видом дистрофии сетчатки глаза, который не способно излечить ни одно известное им магическое заклинание. Эти же лекари с сочувствием в голосе каждый раз объясняли ей, что так как разработанные специально для неё особые корректирующие линзы слишком массивны и тяжелы, то и оправа им нужна соответствующая.

И Ганхилда им верила.

Не потому, что была скудоумной или слишком уж наивной и доверчивой. Девушка понимала, что ради того, чтобы не расставаться с её наследством, тётка и её муж на что угодно пойдут, только бы не допустить её замужества.

Но даже мысли не допускала, что целители станут им в этом помогать.

Её беда была в том, что она судила их по своим матери и бабке: и первая, и вторая были из тех жриц жизни, которые скорее причинили бы вред себе, чем пациенту. И этому же учили и её.

И так хорошо они её этому научили, что Ганхилда свято верила в то, что все без исключения, кому покровительствует сама богиня Жизни – такие же, какими были её мать и бабка.

С одной стороны, нельзя сказать, чтобы Ганхилде так уж плохо жилось. Её сытно кормили. Добротно одевали. Она спала на мягкой постели. В её комнате было светло, тепло и даже уютно. Никто никогда не тронул её и пальцем. И как уже было сказано выше, если над ней и насмехались, то только поза глаза.

С другой же стороны, жизнь её была бесцельна и безрадостна. У неё, как и у матери и бабки, был дар целительницы, но ей не позволили пойти учиться, чтобы она смогла научиться им пользоваться. Выйти замуж по любви – ей тоже не светило. Кто ж полюбит такую образину, как она? Стать же женой кого-то, кому будут нужны только её деньги – она не хотела. Тётка и её муж, хотя и не любят её и никуда не выпускают из дому, по крайней мере, не бьют и ни к чему не принуждают... И потому Ганхилда Ойвиндская решила уйти в монастырь.

Не в мужской, разумеется. А в женский.

Уж в монастырь-то её, тем более с целительским даром, точно возьмут. Не сомневалась девушка.

О чём тут же и поставила тётку в известность.

Ганхилда готова была оставить тётке всё, что ей принадлежало, и уйти в монастырь голой и босой.

Вот только подобный поворот событий был предусмотрен завещанием. В нём черным по белому было прописано, что уход подопечной из мирской жизни, как и её уход из физической

жизни квалифицируется как неисполнение опекуном своих обязанностей. Другими словами: уходит Ганхилда, уходят и её денежки. Более того, завещанием было предусмотрено, что, как и в случае с замужеством, опекун не имела права запретить своей подопечной поступить в соответствии с её желаниями.

Разумеется, сумеет тётушка-опекунша договориться с душеприказчиком своего покойного брата, она бы с радостью отправила племянницу в монастырь. Однако, исполнявший обязанности душеприказчика лорд Каннингем, лучший друг отца Ганхилды, к сожалению для неё, по долгу службы проживавший вот уже двенадцать лет в другом королевстве – мало того, что был кристально честным человеком, так он ещё и эту самую тётушку сильно недолюбливал.

Другими словами, договориться с душеприказчиком у жадной тётушки шансов не было. И это ещё мягко сказано...

Потому как лорд Каннингем сильно заинтересовался с чего это дочь его покойного друга вдруг решила уйти в монастырь и возжелал поговорить с Ганхилдой. Чувствуя себя виноватым за то, что ни разу за всё то время, что жил за границей, не удосужился проверить как девушке живётся с тётушкой, он уведомил, что для принятия правильного решения, ему необходимо лично поговорить с Ганхилдой, и сообщил, что уже в пути.

Жадная тётушка, в чьих загибающих ручках вот уже двенадцать лет оставалась львиная часть положенного племяннице более чем щедрого содержания, подобной новости, само собой, не просто не обрадовалась, а впала в панику. Поскольку понимала: Каннингем далеко не дурак, и посему у неё нет ни единого шанса убедить его в том, что проблема племянницы со зрением не подлежит излечению. Из чего вытекало, что он быстро сложит один плюс один и придёт к правильным, но нежелательным для неё выводам.

Озабоченная тем, как бы ей выкрутится, годами обкрадывающая свою племянницу злодейка потеряла аппетит и сон. Из страха быть разоблаченной она дошла даже до того, что подумывала о том, а не подстроить ли племяннице несчастный случай со смертельным исходом.

Жаль, конечно, девочку, всё же не совсем чужая... Однако, если выбирать между племянницей и долговой ямой, в которую её обязательно упрячет Каннингем, когда поймёт сколько денег она присвоила, то выбор очевиден.

Вот только обкрадывать это одно, а убить или же сильно покалечить ни в чём неповинную девушку, которая к тому же ещё и твоя племянница и источник дохода – совсем другое. И, на счастье, Ганхилды, её тётушка при всей её жадности и аморальности, убийцей не была.

Тем не менее, более чем вероятно, стала бы.

Однако в кои-то веки боги смилостивились над несчастной сироткой: узнав об отборе, жадная, но сердобольная тётушка вместо того, чтобы убить племянницу самой, отправила её умереть в Предвечное королевство.

Как уже было сказано выше, Ганхилда Ойвиндская не была ни наивной, ни доверчивой: она понимала, что за великой честью стать одной из кандидаток в жёны Высокого лорда стоит не менее великий подвох. Потому, не проведи она всю свою сознательную жизнь затворницей или знай, что лорд Каннингем уже в пути, чтобы повидаться с ней, она, наверняка бы, отказалась, но она – провела и она не знала о скором визите душеприказчика её отца.

И посему Ганхилда не просто не возражала против путешествия, но и даже была ему рада.

«Ну и пусть ей угрожает опасность! Зато это самое настоящее приключение!» – воодушевленно думала девушка, чувствуя себя одной из героинь многочисленных романов, которых она за годы затворничества прочитала неисчислимое множество.

Ганхилда была настолько рада возможности покинуть, наконец, опостылившие ей стены тёткиного дома, что её почти не беспокоило то, что она, наверняка, окажется не только самой некрасивой, но и самой жутко одетой из невест.

«Именно жутко, а не плохо одетой, – со вздохом думала девушка, собирая в чемодан свои бесформенные платья. – Впрочем, у такой страшилки, как она, даже будь у неё самые красивые платья в мире, всё равно не было ни единого шанса понравиться Высокому лорду».

– Ганнусенька, деточка моя, может ну его отбор ентот! Я про лорда ентото ещё туточки и тамочки поспрашивала, и люди про него та-аакое говорят! Говорят, что душегубец ентот, демоном отмеченный, всего за одну седмицу ещё дюжину девиц сгубил! И все красавицы писанные! Стан тонкий да ладный, волос золотой да шелковистый и при этом чернобровы, белокожи, а глаза, что океяны! Погубит он тебя, Ганнусенька, погубит красавицу мою, как есть погубит! – причитала стоящая рядом кормилица.

Ганхилда улыбулась и обняла кормилицу. Только эта чистая, добрая душа её и любит, только она о ней и беспокоится.

– Мамушка! Мы же уже обсуждали это с тобой. Преувеличивают люди. Ты же сама говорила, что людям лишь бы баять. К тому же, я у тебя далеко не красавица писаная, и волос у меня не золотой, и брови не так уж и черны, и кожа – не так уже и бела, а глаза мои, мало того, что не океяны, так ещё и за окулярами их попробуй рассмотри. Так что, милая моя мамушка, я в безопасности.

Мамушка на это сначала тяжело вздохнула, а затем, нашла-таки что возразить:

– Но стан, стан-то у тебя стройный да ладный! – победоносно заявила она.

Ганхилда горько хохотнула.

– Мамушка, посмотри на меня и скажи честно, придёт ли кому-нибудь в голову, что под этим, – указала она на свой безразмерный балахон, – скрывается тонкий да ладный стан?

Добрая женщина слишком любила свою девочку, чтобы врать ей.

– Всё одно, пойду в храм и помолюсь за тебя! Всем святым свечки поставлю. Попрошу, чтобы оберегали тебя, моё дитятко! – безапелляционно объявила она. – И ещё к колдовке одной загляну, про какую сказывают, будто бы её обереги от любой напасти могут уберечь!

– Сходи, мамушка, и святых попроси и оберег возьми, – даже не разрешила, а искренне попросила Ганхилда, потому как и у неё самой ёкало сердечко от страха. Да так, что порой такой ужас охватывал, что тошнота к горлу подкатывала и голова кругом шла.

Но потом она подходила к зеркалу, видела своё отражение, и задавалась вопросом: а что она потеряет, если умрёт? Свою никчемную, бесцельную, серую и монотонную жизнь? Так может оно и к лучшему? Уж лучше смерть, чем подобное беспросветное существование! В очередной раз говорила она себе и страх перед путешествием отступал.

Ганхилда так привыкла к тому, что её жизнь беспросветна и впереди её не ожидает ничего хорошего, что даже и не надеялась на то, что что-нибудь хорошее с ней всё же может случиться.

Потому увидев на пороге своей комнаты красавицу распорядительницу, она сразу же решила, что та явилась, дабы отправить её домой. Нельзя сказать, что посетившая её мысль обрадовала, но однозначно не удивила. Потому как удивляться было нечему: такому чучелу, как она, было не место даже на отборе на выживание.

Какого же было удивление Ганхилды, когда вслед за распорядительницей в её комнату впорхнули ещё три девушки, обошли её вокруг, задумчиво при этом хмыкая и постукивая при этом: первая по подбородку, вторая – вторая по лбу, третья же почесывала затылок...

– Сколько вы сказали у нас времени, Ваше Сиятельство? – наморщив лоб, поинтересовалась та, которая почёсывала затылок.

– Тридцать минут – максимум, – ответила ей красавица-распорядительница.

– Хммм, – задумчиво изрекли все трое, с явным сомнением во взоре осматривая то, что им нужно было через тридцать минут превратить в красавицу.

– Это приказ Её Высочества, – напомнила Эльжбета и для пущей значительности своего аргумента добавила. – Которая любимая дочь нашего Императора.

Глава 9

Видя с каким озабоченным выражением лица на неё взирают прибывшие сделать из неё красавицу девушки, Ганхилда искренне им сочувствовала. И потому безропотно переносила всё, каким бы экзекуциям несчастные обреченные на провал музыки макияжа, прически и модного платья её не подвергали.

Несколько раз, правда, когда пытки, которым её подвергали, становились совсем уж изощренно жестокими, она порывалась заглянуть в зеркало и ей это даже удавалось... Вот только толку от этого, при том, что без очков она ничего не видела дальше вытянутой руки, а зеркало от неё находилось, как минимум, на расстоянии трёх вытянутых рук – было ровно ноль.

Попросить же очки, видя то, с насколько большой скоростью вокруг неё, в буквальном смысле этого слова, порхали раскрасневшиеся от напряжения и волнения мастерицы, Ганхилда не решалась.

Наконец, девушки сначала замедлились, затем и вовсе остановились. Вслед за чем, все как одна, посмотрели на распорядительницу.

Посмотрела и Ганхилда.

Правда, так как заказчица проводимой над ней экзекуции находилась на расстоянии, ещё более дальнем, чем зеркало, осталась ли та довольна результатом, увидеть по её лицу не смогла.

Впрочем, в неведении жертва жестоких пыток ради того, дабы восторжествовала красота, не осталась.

– Ориндей, Кирен, Люсиль, да вы просто волшебницы! – всплеснула она руками. – Не стойте, подведите девочку к зеркалу! Пусть она увидит, какая она на самом деле красавица!

Польщённые столь высокой оценкой их мастерства Ориндей, Кирен и Люсиль радостно закивали и тут же кинулись выполнять распоряжение.

Да так рьяно, что в результате, они Ганхилду к зеркалу не подвели, а под-пнули! То есть, так пну-ууули... что жертва торжества красоты с трудом удержалась на ногах, чтобы не впечататься в зеркало.

Что было очень и очень невежливо. Настолько невежливо, что даже привыкшая к пренебрежению и унижениям Ганхилда хотела было возмутиться. Но, увидев своё отражение, она начисто забыла вообще обо всём...

Вот только это была не она.

Из зеркала на Ганхилду смотрела изящная и воздушная красавица, одетая в платье из тёмно-синего атласного шелка, по краю которого подобно звёздному небу сияла вышитая серебряной нитью и украшенная осколками бриллиантов вышивка. Расшитый всё той же серебряной нитью и украшенный всё теми же осколками бриллиантов корсет визуально подчёркивал довольно пышную грудь, которая у Ганхилды была более чем скромной. Что же касается рукава фонариком из прозрачной лёгкой ткани, то он привлекал внимание к красивой линии плеч, а у Ганхилды они всегда были костлявыми и какими-то угловатыми.

– Последний штрих! – вдруг объявила красавица-распорядительница и бросив себе под ноги, раздавила тоненьким каблукочком столь ненавидимые Ганхилдой очки.

О да, Ганхилда их ненавидела! Ещё как! Всей душой и сердцем! Вот только при этом она не могла без них! Она знала это наверняка, потому что она пробовала обходиться без них, но у неё ничего не получилось. Как не ненавистны они ей были, но всё же в них ей было лучше, чем без них.

– Не-эээ! – в ужасе воскликнула девушка. – Пожалуйста, нет! Я не могу без них!

– Ещё как можешь! – не согласилась с ней Эльжбета и протянула ей ладонь, на которой лежали две прозрачных линзы. Голубоватые переливы, внутри которых говорили об их целительных свойствах.

– Вы не понимаете! Меня проверяли! И все мне говорили, что кроме специальных линз, мне ничего не поможет, – одновременно с надеждой, ужасом и растерянностью в голосе говорила она.

Распорядительница и мастерицы ей на это лишь покровительственно улыбнулись.

– Давай всё же промерим их, – предложила Эльжбета, кивнув на ладонь.

Ганхилда глубоко вдохнула и выдохнула. Затем взяла трясущимися пальцами с ладони распорядительницы одну из линз.

– Помочь? – предложила Ориндей, которая как Ганхилда уже поняла, была старшей из трёх девушек.

– Да, пожалуйста, – выдохнула она.

Превратившая её в красавицу богиня модной одежды, легким движением руки сначала вставила ей линзу в правый глаз, затем в правый.

Едва только линзы покрыли роговицу, они практически сразу стали невыносимо горячими. В глазах зашипало. Мир затуманился и из глаз хлынули потоки слёз. Ганхилда сжала зубы и закричала... от боли, от страха, от разочарования... Она ведь уже успела понадеяться! Глупая! Какая же она глупая! Вся её жизнь была чередой неудач, боли и разочарований! А она, глупая, всё ещё надеется на чудо... И потому, так ей и надо!

Как вдруг, боль утихла.

– Ну же, давай! Открывай глаза! – нестройным, но одинаково нетерпеливым хором потребовали у неё три музы и распорядительница.

Ганхилда осторожно приоткрыла один глаз... и тут же поспешно открыла второй.

– О боги! – не веря своим «новым» глазам, прошептала она. – Я вижу! Я всё вижу! Всё-всё-всё вижу! – всё ещё не веря в происходящее она перевела взгляд на зеркало. Увидев своё отражение и убедившись, что ей вовсе не показалось, что она, и в самом деле, красавица, не в силах подобрать слова, она выдохнула: – Вы не представляете... Вы просто не представляете, что вы для меня сделали! – и из глаз девушки снова хлынули слёзы. Только на сей раз это уже были слёзы счастья. – Просто не представляете... – снова прошептала несчастная сирота, уже не ждавшая от этой жизни ничего хорошего.

– Возможно, не в полной мере, – улыбнулась Эльжбета, – но, мне кажется, что всё же представляю.

– И я тоже представляю! – заверила Ориндей.

– И я! – поддакнули Кирен.

– И потому хватит реветь! – несколько не в тему заявила Люсиль, однако её это ничуть не смущало. – А то размажешь ещё макияж! – озабоченно добавила она. – Он, конечно, магический, а потому очень и очень стойкий! Но ты так ревёшь, так трёшь и так возюкаешь пальцами и ладонями по лицу, что мне всё равно страшно!

– Ой, простите, – шмыгнув носом, пролепетала Ганхилда и тут же пообещала: – Я больше не буду.

Вот только пообещать, само собой разумеется, оказалось проще, чем выполнить. Едва только Ганхилда снова увидела себя в зеркале, как слёзы подступили вновь. Из-за уродливых окуляров с толстыми линзами, она столько лет мучилась комплексом неполноценности. А её, оказывается, обманывали...

Её все обманывали. И тётка, и её муж, и все до единого лекари, и, вполне возможно, также и кузины, и кузены. За что они все с ней так? Она ведь не сделала им ничего плохого. Никогда ничем не обидела. Никогда ни словом, ни полсловом не упрекнула деньгами, хотя знала, что семейство тёти живёт и процветает в основном за её счёт. Наоборот, всегда и во всём

старалась помочь. О чём бы её не попросили, всегда старалась угодить, никогда и ничего при этом не прося для себя. Кроме возможности показаться очередному лекарю-окулисту. Точнее, очередному лекарю-лжецу. Если, конечно, те, кого тётка представляла ей как лекарей-окулистов, вообще были лекарями. Мысленно горько усмехнулась она.

Дабы унять, наконец, слёзы, Ганхилде пришлось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Эльжбета ж тем временем отправила восвояси мастериц, поскольку хотела поговорить со своей подопечной наедине.

– Ганхилда, я хотела бы попросить вас быть осторожной, – начала она одновременно и с самого главного, и из далека.

– Да, конечно, я понимаю, – часто закивала девушка.

– Боюсь, что нет, не понимаете, – с сочувствующей улыбкой, возразила Эльжбета, которая с того самого момента, как обратила свое внимание на девушку, думала над тем, как бы покорректней сообщить ей о том, что смерти ей желает никто иной, а вырастившая и воспитавшая её тётя. – Я заинтересовалась вами и озаботилась мощным лекарским артефактом не только по доброте душевной, я хотела, чтобы вы поняли... – она замолчала, давая возможность своей подопечной самой прийти к необходимым для её выживания выводам.

И подопечная не разочаровала.

– Что меня всю мою жизнь обманывали? – с горькой иронией скорее констатировала, чем уточнила девушка.

– Да, это, – кивнула Эльжбета. – И кое-что ещё... – предчувствуя новый поток слёз, она тяжело вздохнула. – Я подозреваю, что вас отправили на этот отбор... именно на этот отбор, – с многозначительным нажимом повторила она и снова вздохнула, – чтобы получить возможность избавиться от вас, не потеряв при этом права на ваше наследство, – скороговоркой выпалила она и поспешила к девушке, дабы поймать её, если у неё от подобной новости вдруг подкосятся ноги.

Совершенно напрасно, к слову, поспешила.

У её подопечной не только не подкосились ноги, но девушка даже удивленной или особо расстроенной не выглядела.

– Думаю, что вы правы, – спокойно констатировала Ганхилда. – Даже не думаю, а знаю. С самого начала знала. И всё равно с радостью поехала на этот отбор, – с кривой улыбкой добавила она.

– С радостью?! – изумленно выгнула брови Эльжбета.

– Нет, нет, меня никто не бил, не домогался и даже не оскорблял. По крайней мере, в глаза мне никто никогда ничего обидного не говорил. Меня не морили голодом и холодом. Служанкой в собственном доме я тоже не была. Просто... как же вам это объяснить? Просто я жила практически в заточении. Свою комнату я, конечно, могла покидать. И гулять в саду мне никто не запрещал. Но на этом и всё. Дальше ни-ни. Уж поверьте мне, я пыталась, – грустно улыбнулась Ганхилда, – причём ни раз и ни два, а очень много раз. Однако снова и снова натыкалась на невидимую стену. Тётка, разумеется, объясняла наличие ограничивающего мои передвижения полога заботой обо мне. Я ведь мало того, что неспособная постоять за себя домашняя девочка, так ещё и почти слепая, – с явной иронией в голосе заметила она.

– Да уж, та ещё забота! – согласилась Эльжбета. – Я бы от такой заботы тоже куда-угодно сбежала бы! А как она, кстати, вся такая заботливая, объяснила отправку неспособной постоять за себя почти слепой, домашней девочки на отбор к Высокому лорду, жены и невесты которого мрут как мухи?

– Опять же заботой обо мне, – усмехнулась девушка. – Мне предложили, прежде чем испортить себе жизнь, уйдя в монастырь, хотя бы попытаться найти себе мужа. И я согласилась.

Глава 10

Ганхилда была счастлива.

Она, на которую всю её жизнь смотрели, в лучшем случае, с сочувствием, этим вечером то и дело ловила на себе восхищенные мужские и ревнивые женские взгляды. Она, которая ещё месяц назад даже и не мечтала о том, что однажды ей доведется побывать на настоящем балу, не просто была на балу, но и танцевала! Не очень умело и грациозно, поскольку танцевать тайком ото всех её учила мамушка, с которой в своё время репетировала танцевальные па мать Ганхилды.

Впрочем, судя по тому, насколько бойко её приглашали кавалеры, причём все, без исключения, даже по два раза, её не самые блестящие танцевальные навыки никого не смущали.

О она, глупая, боялась опозориться. Так боялась, что на полном серьёзе собиралась отказаться, если вдруг кто-нибудь всё-таки пригласит её на танец.

Счастливо кружась в очередном танце, Ганхилда улыбнулась, вспомнив с каким ужасом она входила в этот зал. На ватных ногах, с бьющимся, словно планировало выпрыгнуть из груди, сердцем и ледяными руками.

Ганхилда была счастлива, невзирая на то, что графиня предупредила об угрожающей ей смертельной опасности, которая теперь, когда она выглядит такой красивой и счастливой, многократно возросла. И возрастёт ещё больше, как только тётка узнает, что Ганхилда решила срочно выйти замуж.

Разумеется, ей было страшно. Кому б не было в её ситуации?

Однако Ганхилда понимала, что госпожа дознаватель, коей оказалась распорядительница, права. Чтобы заставить нанятого тёткой убийцу сделать ошибку, его нужно заставить поторопиться.

При этом, на более сжатых сроках, а значит и на риске совершить ошибку, настаит сама же тётка, поскольку никакого другого способа воспрепятствовать намечающейся свадьбе, пока её племянница находится под опекой своего жениха, у неё не будет. Ибо, согласно Положению об отборах, законным опекуном участвующих в отборе кандидаток, на весь период отбора – является жених. Более того, согласно всё тому же Положению об отборах, в том случае, если жених – Высокий лорд, то он, являясь опекуном своих невест, имеет полное право, если на то будет согласие всех заинтересованных сторон, выдать замуж свою невесту за одного из своих вассалов.

Особую иронию судьбы Ганхилда видела в том, что, если у них всё получится и её всё-таки не убьют, то причиной провала планов жадной опекунши станет именно то «благоприятное» стечение обстоятельств, которое та планировала использовать как возможность не только безнаказанно избавиться от неё, но и не лишиться при этом её, Ганхилды, наследства.

Подумав о том, во что тётка и её семья превратили её жизнь ради того, чтобы не потерять доступ к её деньгам, девушка дала себе слово:

«Нет, уж дудки! Я выживу и точка! А посему больше никаких «если», никаких мыслей о смерти, никаких сомнений в себе. Тем более сейчас, когда у меня, наконец, появился шанс изменить свою жизнь! Появилось ради чего жить! К тому же, графиня Эльжбета пообещала, что меня будут постоянно охранять. И сама я буду очень осторожна!».

Решимость во что бы то ни было выжить, придала ей храбрости, а мужское внимание – уверенности в себе и даже некоторой бесшабашности. Ах какое это оказывается будоражающее кровь чувство – ловить на себе восхищенные взгляды. А комплименты... Ганхилда не выпила ни грамма алкоголя, но чувствовала себя совершенно пьяной. Не то, чтобы она знала по собственному опыту, как чувствуют себя совершенные пьяные люди, однако судя по тому, что она читала, все симптомы были налицо: и головокружение, и чувство, что ей море по колено; у неё

горели щеки, ей хотелось петь и, конечно, же танцевать. И ещё ей хотелось обнять и распеловать весь мир. Но она сдерживалась. И вела себя прилично. В том смысле, что не позволяла себе ничего из того, что не позволяли себе другие кандидатки в невесты. По крайней мере, Ганхилда очень надеялась, что ничего неприличного она себе не позволила.

Как же жаль, что всё хорошее так быстро заканчивается. Вот и танцевальная часть бала тоже подошла к концу.

Практически все претендентки устремились к фуршетным столам, дабы освежиться. Присоединилась к ним и Ганхилда. Делясь впечатлениями, девушки наперебой восторженно щебетали, однако, все при этом вздыхали, жалуясь на то, что просто валятся с ног. Все они были только сегодня с дороги, после чего было размещение, заселение, собеседование с распорядительницей, поэтому в этом не было ничего удивительного.

И всё же Ганхилда удивлялась. Очень удивлялась. Потому что сама она не чувствовала никакой усталости. Будь её воля этот бал не закончился бы никогда.

Весь вечер то и дело поглядывавшая на Ганхилду Эльжбета и радовавшаяся вместе с ней её успеху и хорошему настроению, сразу заметила, как та погрузтелла.

– Погоди расстраиваться, – ласково улыбнулась она девушке и сообщила загадочным шёпотом: – Это ещё не все сюрпризы на сегодня...

Шёпот этот, правда, был из тех, что его тут же слышали все стоящие рядом. Примолкшие было при приближении распорядительницы кандидатки в невесты вновь возбужденно загомонили. Любопытство девушек было столь велико, что они даже забыли об усталости.

– За мной! – одновременно заговорщицки и весело скомандовала Эльжбета. И горящие нетерпением и предвкушением девушки без каких-либо вопросов поспешили за своей распорядительницей сквозь громадные витражные двери на просторную террасу.

Следом за ними поспешили на террасу и остальные гости.

Ведущая на зимний сад терраса встретила разгоряченных танцами гостей и невест прохладой и непроглядной тьмой...

Которую, впрочем, буквально в следующее же мгновение взорвала феерия сотен разноцветных огней и искр, каждая из которых прежде, чем погаснуть несколько раз изменила свою форму и цвет. Здесь были и образующие цветочные букеты фонтаны искр. И невероятной сложности и красоты узоры. И, словно бы изливающиеся водопадами потоки пламени...

Глава 11

– Фейерверк! – восторженно выдохнули в толпе.

В темном небе одновременно рождались и гасли миллиарды новых звёзд. На фоне которых причудливо меняющие расположение, цвет и форму огненные драконы изрыгали пламя, которое превращалось в разноцветных огненных лисиц, оленей, ястребов, ящериц и прочую живность.

– Это просто потрясающе! Это неимоверно! Какая красота! – то и дело восторгались гости.

И они ничуть не преувеличивали. Ночное зрелище было столь потрясающим воображение, что от него не могли оторвать взгляд даже привыкшие к многочасовым грандиозным фейерверкам столичные гости.

И все же ещё больше столичных гостей поразило то, что всю эту красоту создавал всего один маг, которому, судя по его светящемуся почти детским восторгом лицу, процесс был не только в тягость, но и доставлял столько же, если не ещё больше удовольствия, чем его гостям результат.

К слову, зрелищем Николас наслаждался ничуть не меньше, чем процессом. Он с детства обожал фейерверки. И если, в то время, когда он ещё был уверен, что ему никогда не стать Высоким лордом, он о чём и жалел, так это о том, что он никогда не сможет запускать в небо такие же красивые фейерверки, какие получались у его отца.

Последним аккордом этого воистину фееричного шоу, стали миллиарды мельчайших искорок, которые обрушились из недр темного неба на головы гостей, подобно самому настоящему золотому дождю.

Раскрасневшаяся от танцев и удовольствия Вивиан подняла лицо и руки вверх к импровизированному золотому дождю и закужилась, счастливо улыбаясь. Глаза её светились от восторга.

– Вы настоящий волшебник Николас! Я никогда в своей жизни не видела такой поразительной красоты!

– Благодарю вас, Ваше Высочество! Хотя и уверен, что вы просто очень добры! Ибо, куда нам провинциальным лордам до королевских фейерверков! – с лукавой усмешкой заметил он, поскольку прекрасно знал: не принимая комплимент, он напрашивается на новые.

И он, действительно, напрашивался. К своему удивлению, вдруг, понял он. Подумать только, он столько лет убеждал себя, что ему совершенно всё равно, что думают о нём посторонние. Что ему плевать с Защитной стены, восхищаются им или ненавидят! Убеждал так настойчиво и самоотверженно, что поверил в это. Он и в самом деле, верил, что для него важно лишь мнение его солдат и офицеров о нём, остальные же могли идти побоку и думать о нём всё, что им заблагорассудится.

И вот на те, пожалуйста, он стоит и тает, как лёд на солнце, разливаясь лужицей от комплиментов принцессы, которую ещё вчера вечером мечтал отправить первым же попавшимся ему под руку воздушным экипажем назад в столицу. И если бы только это. Несмотря на всю свою занятость и уйму проблем, которые обрушились на него в связи с отбором, готовясь к этому балу, он не просто нашёл время уделить внимание каждой мелочи, дабы ничего не упустить, он успел свести своими придирками с ума всех, задействованных в организации вечера!

И напросился... Вот только не на комплимент, а на практически допрос. Пора бы ему уже было привыкнуть, что Её Высочество – не обычная девушка, а дознаватель тайной канцелярии.

– И сколько же наших столичных фейерверков вы видели, чтобы подозревать меня в неискренности? И сколько лет назад это было? Лет пять назад или и того больше? – иронично

поинтересовались у него. – И в честь чего или кого они были? Это я интересуюсь на случай, если вдруг те фейерверки, которые у нас в столице видели, не видела я.

Не ожидавший подобного напора Николас оторопело захлопал глазами.

– Ну что получили! – торжествуя провозгласили девушка и залилась серебристым смехом. – Так вам и надо! Теперь будете знать, как ехидничать!

– Ехидничать? – изумился молодой человек и почесал затылок.

– Угу, – обворожительно улыбнулись ему. – Куда нам провинциальным лордам до ваших королевских фейерверков! Куда нам провинциальным лордам до ваших королевских фейерверков! – дважды повторила она, явно драматизируя и окарикатуривая его интонации. – Что же это ещё было, если не подначка?!

– Ваше Высочество, да у меня ничего подобного даже и в мыслях не было! – искренне возмутился Высокий лорд.

Но так ему и поверили.

– Ага, ага! – сладенько пропело недоверчивое Высочество.

Николас и сам не понял, почему не оставил всё как есть. Ведь, судя по искрящимся веселым глазам и залиvistому смеху девушка на него особо не сердилась.

Вот только промолчи он, и Вивиан бы так и осталась при мнении, что он продолжает считать её избалованной и пресыщенной балами, фейерверками и прочими развлечениями принцессой. А он вдруг понял, что не может этого допустить. Только не после сегодняшнего дня. И тем более, только не после сегодняшнего вечера. Уж лучше он выставит себя падким на похвалу балваном, чем позволит ей думать, что после всего, что он сегодня увидел, он так и не понял, как сильно он ошибался на её счёт.

– Вообще-то, я просто напрашивался на то, чтобы вы продолжали рассказывать мне какой я потрясающий и замечательный, – сконфуженно признался Николас.

И тут же об этом пожалел.

Нет, не потому что ему снова не поверили. Хотя, вернее сказать, даже если ему снова и не поверили, он об этом не узнал, потому что у его беседы с Её Высочеством оказалась целая куча свидетелей. Точнее, свидетельниц, которые, как только он признался в том, что напрашивался на комплементы, наперебой стали закидывать его этими самими комплементами.

– Ах, Ваша Высокосветлость! Что-о вы! Что-о вы! Вам совершенно нет нужды напрашиваться! Потому что вы, и в самом деле, совершенно потрясающий и замечательный! – оттеснив за спину принцессу и окружив Николаса со всех сторон начали уверять его невесты.

– Это было просто невероятно! Вы! Вы просто необыкновенный! Вы такой сильный маг! Такой красивый мужчина! Такой предусмотрительный и предупредительный! Такой заботливый! – восхищенно заглядывая ему в глаза, уверяли одни.

– Это был просто нереально потрясающий вечер! Лучший в моей жизни бал! И потом ещё этот фейерверк... – мечтательно вторили им другие. – Это было как сон! Как несбыточная мечта! Это было просто ни с чем несравнимое зрелище! Спасибо вам!

– Мне очень, очень приятно слышать, что бал и фейерверк произвели на вас столь сильное приятное впечатление, леди, – в свою очередь галантно заверил девушек Высокий лорд, который чувствовал себя при этом одновременно польщенным, смущенным и раздраженным.

Ему, конечно, было приятно, что его, так называемым, невестам по-настоящему понравилось устроенное в их честь празднество. Вот только он понятия не имел, как ему дальше нужно было поступить. Так уж вышло, что не подготовила его жизнь к подобным испытаниям. Вот если бы его со всех сторон окружили враги или дикие звери – он знал бы, что делать. А вот что делать с почти дюжиной восхищенно на него взирающих девиц для него было абсолютной загадкой.

Вивиан же была просто раздражена.

Хотя нет, не просто! А очень и очень сильно раздражена.

А кто бы на её месте не был?

Во-первых, их с Николасом прервали! Причём прервали в та-аакой момент! Такой, который одновременно столь же многообещающий, сколь и деликатный. Такой, который лучше не упускать, поскольку следующего такого момента порой приходится ждать очень долго, если вообще удастся дождаться.

Во-вторых, её, самую настоящую принцессу, практически пинками оттеснили в сторону. Хотя почему практически? То, что девицы пинали её не руками и ногами, а бедрами и пятыми точками – их не только не извиняло, а, наоборот, усугубляло их вину!

«Она им покажет, как ставать между ней и мужчиной, который ей нравится! Тем более, настолько бесцеремонный образом! – мысленно возмущалась Её Высочество. – Ещё как покажет, или она не дочь своего отца, который у неё, между прочим, император! Они у неё на всю жизнь запомнят, что с ней шутки плохи! Запомнят даже лучше, чем сегодняшний нереально потрясающий вечер и ни с чем несравнимый фейерверк! Вот сейчас только придумает, как именно, и отомстит! А кавалер-то её, кавалер тоже хорош! Вон как раскраснелся от удовольствия! Густо-густо.

В этот момент взгляд её кавалера украдкой метнулся сначала в одну сторону, потом в другую. И во взгляде его было явно не удовольствие, а растерянность и крик о помощи, которого, судя по тому, что к нему никто не спешил, никто кроме Вивиан не видел.

Высокий лорд вновь с тоской посмотрел куда-то в сторону. Вслед за чем выражение его лица стало решительным.

И Вивиан поняла, что ещё немного и он от своих невест позорнейшим образом сбежит. Они, конечно, это заслужили! Потому что нечего было её пинать! Вот только, если Николас сбежит, то этот его поступок ударит, прежде всего, по нему. Его и так считают, мягко говоря, странным. А если он ещё и сцену устроит, то такого насочиняют.

И потому, Её Высочество, отмахнувшись от воспитания и гордости, решительно вклинилась в толпу соперниц и, с удовольствием работая локтями по рёбрам бывших обидчиц, проложила себе дорогу к осажденному лорду.

Ослепительно улыбнулась ошалевшим от её абордажных методов красавицам и, подхватив Высокого лорда под руку, заявила:

– Прошу прощения, леди, но Его Высокосветлость ожидают очень важные неотложные дела!

Возразить ей не посмели. Всё же одно дело оттеснить дочь самого императора пятой точкой, на которой глаз нет, и потому всегда можно сказать: «ой, извините, Ваше Высочество, я просто вас не заметила», а совсем другое – хамить в лицо. Однако взглядами наградили такими, что если бы взглядами можно было испепелять, протыкать насквозь и замораживать, то Её Высочество ждала бы неминуемая, мучительная смерть.

Одарив спасительницу благодарным взглядом, Высокий лорд галантно раскланялся со своими невестами и, дабы не только словесно, но и делом, так сказать, поддержать озвученную в качестве предлога легенду, напрямик направился к главному дознавателю.

Тот стоял к нему спиной. Однако по сосредоточенным и явно чем-то озабоченным лицам его собеседников, Николас понял, что мужчины обсуждают вовсе не то, как сильно им понравился вечер и что ни один из них в своей жизни ещё ни разу не видел такого впечатляющего фейерверка.

Это же поняла и Вивиан, и потому заметив вопросительный взгляд мужчины, пожала плечами.

– Я знаю столько же, сколько и вы.

– Понял, – с кривой усмешкой, кивнул в ответ Николас. И сказав это, он имел в виду вовсе не то, что он её услышал, а плохие новости.

Глава 12

Ганхилда видела фейерверк не в первый раз. И даже не во второй или третий. Или десятый.

Вот только все эти фейерверки она видела в далёком детстве...

В том далёком детстве, когда ещё были живы её родители.

В том далеком детстве, в котором она была так счастлива.

Так счастлива, как сегодня. Ну почти...

То её счастье было беззаботным. В нём не было места ни печали, ни боли. То её счастье не имело начала. Оно просто всегда было. И, как ей казалось, не имело конца. Не то, чтобы она об этом задумывалась. Но, если бы задумалась, то ей бы даже в голову не пришло, что что-то в её полной вкусоностей, смеха и абсолютной родительской любви жизни может измениться. С чего бы это вдруг? С чего бы это вдруг она стала думать о чём-то плохом? Зачем? Можно подумать заняться ей было больше нечем? Очень даже было чем. Танцами. Куклами. Играми. Теми же фейерверками. И ещё кучей других, столь бесценных и дорогих детскому сердцу, занятий.

Сегодняшнее же её счастье было приправлено грустью и страхом. Нет, даже не страхом, уверенностью. Она знала, что оно не продлится долго. Она знала, что вот-вот обязательно случится что-то плохое. Очень, очень плохое.

И потому правильнее бы ей быть начеку, а не позабыв обо всех своих бедах, печалях и страхах, восторженно пялиться в расцвеченное миллиардами огней небо. Да, это было бы правильнее. Но она так устала бояться... К тому же люди кругом. И все, как один, также как и она, замирая от восторга, охая и ахая, неотрывно смотрят ввысь, наслаждаясь воистину невероятно красивым зрелищем.

Успокоенная этими мыслями, она настолько увлеклась игрой огня и света, что не сразу осознала: она уже несколько секунд никого и ничего не слышит.

Только что до её слуха со всех сторон доносились приглушенные возгласы восторгов, свист и грохот взрывающихся огней, и вдруг наступила абсолютная тишина.

Взгляд напуганной этим открытием девушки всполошено заметался. Нет, она никуда не унеслась и никуда не провалилась. Она, по-прежнему, стояла на веранде, а огни в небе над её головой, по-прежнему, один за другим то рассыпались цветочными клумбами, то перевоплощались в дивных существ.

Вот только происходило это в полной тишине.

«Час от часу не легче. Неужели я оглохла?» – испуганно подумала она. И тут же сама себе возразила. – «Вот так сразу. Раз и всё! Вряд ли... Скорее меня просто прокляли. Ничего простого, конечно, в этом нет. А значит, сама я не справлюсь. Надо звать на помощь» – решила она и позвала.

Однако, как бы сильно она не открывала рот, как бы сильно не напрягалась из её горла не доносилось ни слова.

«Ещё и онемела? Замечательно, просто замечательно?» – саркастически проговорила она и вдруг поёжилась от холода. И не просто от холода, а от сильного холода.

«Ох, мама! Мамочка! Защити!» – мысленно позвала она, как всегда, делала в минуты отчаяния.

И вздрогнула. Потому как в ответ на её призыв, её позвали нежным, ласковым, смутно знакомым голосом:

– Ганна?.. Ганнушка моя хорошая...

Голос она помнила смутно, но вот то, как обращалась к ней мама, помнила.

– Мама?

Но этого же не может быть. Мама умерла. Ганхилда помнит. Помнит, как украшала волосы покойницы цветами. Помнит, как стояла и смотрела на гроб, который опускали в могилу.

Или не помнит?.. Как-никак столько лет прошло...

– Ганнушка, как же ты выросла, моя звёздочка, деточка моя хорошая... – голос звучал столь нежно и ласково, что у Ганхилды разом исчезли все сомнения.

Конечно же это мама!

– Мама, где ты?! – бросилась она вслед за голосом.

И в друг с удивлением увидела, что она больше не находится среди людей. Она стоит совсем одна в кромешной тьме. И ей холодно. Очень холодно.

– Ганнушка... – вновь позвал её голос.

– Ннет, ты не моя мама! – ответила голосу Ганхилда и попыталась сделать шаг назад. Однако помимо своей воли медленно повернулась и пошла на звук голоса.

– Нннет! – подобно птице, крылья которой сломаны, исполошено забила она руками по воздуху. – Нет!

Но ступеньки неизвестно откуда возникшей лестницы, словно бы сами ложились ей под ноги.

– Ганнушка, девочка моя, неужели я зря преодолела столько преград?.. – грустно спросил голос. – Я так хотела встретиться с тобой! Я так стремилась все эти годы к тебе, а ты, выходит, мне совсем не рада... – с тяжёлым, исполненным вселенской печали, вздохом, укорил голос.

– Конечно же, я рада! – горячо возразила Ганхилда. – Точнее, была бы рада! Но ты не можешь быть моей мамой!

– Почему? – удивленно спросил призрачный голос. – Потому что я умерла?

– Ннет, не поэтому, – возразила Ганхилда, которой очень, очень хотелось, чтобы это была её мама. Однако при этом она чувствовала, что что-то не так. Что-то было неправильное в том, как она себя ощущала.

Будь это её мама, разве было бы ей так холодно и неудобно? Нет, не было бы, убежденно ответила она сама себе. Рядом с мамой ей всегда было тепло и уютно. И светло... Точно, свет! Вдруг поняла девушка. Почему нет света? Ведь там, куда ушла её мама должно быть много света.

– Потому что моя мама не стала бы прятаться во тьме. Если бы ко мне пришла моя мама, она пришла бы в ореоле света, – убежденно объяснила Ганхилда, мысленно при этом добавив: «И потому что я знаю, что меня хотят убить. Вот только не ожидала, что так скоро. Быстро сработано, но зато топорно. Как Её Сиятельство и предполагала. Теперь, было бы неплохо, чтобы мне это помогло. Очень надеюсь, что у господ дознавателей тайной канцелярии всё под контролем, потому как боюсь, что сама я не справлюсь».

И, к сожалению, не веря в собственные силы, Ганхилда, отнюдь, не малодушничала, а лишь трезво оценивала ситуацию.

Да, тот, кто вёл её в неизвестном пока ей направлении, не сумел взять под контроль её разум, но вот тело... Тело её подчинялось не ей, а ему.

Она сопротивлялась изо всех сил, тем не менее, ноги её как преодолевали, так и продолжали преодолевать ступеньку за ступенькой.

Один пролёт. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. Шестой...

– Нет! Нет! Нет! Нет! Нет! Нет! Я не хочу! Я не хочу умирать! Кто-нибудь помогите, пожалуйста! – в ужасе закричала бедная девушка.

В полной тишине её звонкий, тонкий, исполненный истерики, голос прозвучал особенно пронзительно. На миг Ганхилде даже показалось, что ей кто-то ответил. Однако уже в следующую секунду она поняла – это было эхо.

А значит, её никто не слышит. И значит, ей никто не поможет...

– Ганнушка, бедная, моя бедная девочка! Как же тебе моя бедная досталось, если ты выросла такой недоверчивой, – ласково пожурил её голос лже-матери. – Что ж до того, что темно, так ведь ночь на дворе. А я всего лишь призрак, а не божество.

Довод звучал резонно и, если бы Ганхилду не несло вверх против её воли, она бы им даже удовольствовалась.

– Отпусти меня, – попросила она. – И тогда я поверю, что ты и в самом деле моя мать.

– Милая, но тебя никто не держит, – ласково отозвался голос.

Внезапно перед глазами Ганхилды промелькнула вспышка молнии и в её отблесках она увидела перед собой маленькую златовласую девочку с огромными печальными глазами на бледном овальном лице.

Явление девочки было столь мимолетным, что она даже не было уверена, что действительно видела её. Однако в следующее мгновение снова вспыхнул яркий белый свет и златовласка снова возникла.

Губы девочки не шевелились, тем не менее Ганхилда отчетливо слышала её голос в своей голове.

– Тебя уже ищут, но нам нужно выиграть время. Я сейчас нырну в тебя и постараюсь перехватить контроль над твоим телом. В результате чего, ты, вероятней всего, споткнешься и покатишься вниз по лестнице. И это будет больно. И, возможно, даже смертельно больно. Но это не наверняка. А вот, если ты продолжишь идти вверх, то умрёшь наверняка.

– Откуда ты знаешь? – мысленно поинтересовалась Ганхилда.

– Оттуда, что, упав со стены, ещё никто не выжил, и я, в том числе, – грустно ответила девочка.

Ганхилда понятия не имела, кто эта девочка, однако при этом она почему-то доверяла ей. Возможно, дело было в свете. А возможно, в глазах девочки. Такую печаль просто невозможно изобразить. При этом, дело было даже не в глубине и искренности печали, а в том, что печаль эта была светлой.

Да, именно светлой. Другого слова, Ганхилда просто не могла подобрать. Как, впрочем, светлой была и сама девочка.

– Ныряй, – разрешила она златовласке. – И будь, что будет.

Британи никогда раньше не занимала тело другого человека, но при жизни она была на редкость любознательным ребёнком: очень много читала и ещё больше задавала вопросов. И так как её лучшая и обожаемая подруга была из семьи потомственных медиумов и магов смерти, то, само собой, призраки, с их особенностями и способностями, интересовали её далеко не в самую последнюю очередь.

По этой причине Британи знала, что с разрешения хозяина тела, любой, даже самый слабый, призрак способен взять это самое тело под контроль.

Конечно, было бы неплохо прежде потренироваться, но... чего не дано, того не дано. И, потому представив, что она ныряет с обрыва в реку...

Что тоже было не самым простым делом, потому что и этого тоже Британи никогда прежде не делала. Нет, она, конечно, бы с удовольствием и аж бегом! Но кто б её позволил!

Тем не менее, представить себя ныряющей с крутого обрыва в реку, оказалось всё же проще, чем представить себя ныряющей в тело другого человека.

Иначе говоря, повинаясь исключительно собственному воображению призрачная малышка нырнула...

...и, о чудо, у неё всё получилось с первого же раза!

Но что ещё удивительнее, это было только первое чудо!

Вторым чудом, поразившим Британи даже ещё больше, чем первое, оказалось то, что, провалившись в чужое тело, пятилетняя малышка каким-то образом умудрилась полностью заполнить собой тело взрослой девушки.

От кончиков пальцев ног до макушки. И от кончиков пальцев правой руки до кончиков пальцев левой руки.

Были, однако, и неприятные сюрпризы.

Одновременно Британи почувствовала себя очень и очень слабой и с трудом держащейся на ногах, которые к тому же ощущались до такой степени тяжелыми, словно на них были надеты многопудовые кандалы. Висевшие безвольными вермишельными, руки, к слову, казались, столь же неподъемными и ненадёжными.

В первое мгновение Британи испугалась, что её расчёт не оправдался...

«Неужели власть злодея или злодейки над телом этой несчастной девушки настолько велика, что даже её, не скованной заклятием подчинения, воли не хватит на то, чтобы противостоять чужой воле?» – растерянно подумала она.

Однако, к счастью, уже в следующее мгновение она предположила, что она просто чувствует то же, что чувствует Ганхилда, из последних сил пытающаяся воспротивиться чужому воздействию.

«Не сопротивляйся! Расслабься и позволь мне перехватить контроль над твоим телом, – обратилась малышка к отчаянно сражающейся девушке. – Пожалуйста, просто расслабься», – умоляюще повторила она, почувствовав, что в ответ на её просьбу тело девушки лишь ещё сильнее задервенело и отяжелело.

– Неужели ты не понимаешь, глупая маленькая девочка, что только пока я сопротивляюсь, я ещё могу что-то изменить! – возмущенно мысленно ответила Ганхилда.

Британи хотела было сказать в ответ, что это Ганхилда ничего не понимает, но сдержалась. И вместо того, чтобы ответить оскорблением на оскорбление, резонно поинтересовалась:

– И что именно ты рассчитываешь изменить? Умереть на пятнадцать или двадцать секунд позже, чем умерла бы, если бы не сопротивлялась? Ты ведь сама видишь, сама понимаешь, что, несмотря на всё твоё сопротивление, ты ступенька за ступенькой неумолимо приближаешься к вершине горы! А значит, и к гибели! – взрослым, исполненным мудрости и даже надменности голосом, проговорила семилетняя малышка. – В общем так, ты мне или доверяешь или я умываю руки! – одновременно величественно и безапелляционно пригрозила она. Вслед за чем, для вящей убедительности добавила: – И ноги и все остальное!

Вздрогнув, Ганхилда посмотрела вперед. И поняла, что увлеченная сопротивлением она не заметила, что беспросветную тьму сменила уходящая в мглистое серое небо белоснежная пустыня.

– Тебе осталось преодолеть ещё пять ступенек, и ты окажешься на ровной поверхности. И как только ты на ней окажешься, у меня уже не хватит сил тебя спасти, – прошептала девочка. – Решайся, сейчас или никогда...

Практически всю её сознательную жизнь Ганхилде ввали. В том числе её обманывали те, кому она долгие годы верила без оглядки.

И вот как, скажите, ей с таким «послужным» списком, было решиться на то, чтобы полностью довериться призраку, который вполне мог оказаться иллюзией, подосланной к ней убийцей?

– Три ступеньки... – тяжело вздохнув, с болью, отчаянием и безысходностью в голосе прошептала Британи в её голове.

И Ганхилда решилась.

Глубоко вдохнула, выдохнула. И вновь сказала:

– Будь что будет...

Только на сей раз уже не своей возможной призрачной спасительнице, а себе.

В то же мгновение её тяжелое и неповоротливое тело вдруг словно бы превратилось в желе. А уже в следующее – она и вовсе перестала его ощущать.

Глава 13

– Если с девочкой что-то случилось, я вас убью! Собственными руками прикончу, чтоб не мучались и не позорили честь мундира! – выговаривала своим подчиненным пребывавшая вне себя от ярости и беспокойства Эльжбета.

– Она только что была здесь! Она только что была здесь! Мы клянемся вам! Мы весь вечер с неё глаз не сводили! Максимум на минутку! Даже на полминутки! – оглядываясь по сторонам, наперебой оправдывались два молоденьких агента.

– Может она того... сама? Сбежала, например! Или прогуляться пошла... в сад, например... – предположил подошедший на шум начальник местной префектуры, Ансельм Паттерсон.

– Сбежала?! Не мелите чушь! Больше ей делать было нечего! И гулять бы Ганхилда не пошла! Она знала, что ей угрожает опасность! – раздраженно прокомментировала Эльжбета. – И именно поэтому я приставила вас к ней! Потому что ей угрожает опасность! – переведя обвиняющий взгляд на агентов, ядовито добавила она.

Считавший себя не только очень важной птицей, но и человеком, хорошо разбирающимся в следственных делах, начальник префектуры искренне, просто до самой глубины его души, оскорбился. Однако, он был слишком политиком и аристократом, чтобы ответить на хамство столичной штучки грубостью, вместо этого он решил «забить» её железобетонными аргументами.

– Но, если бы вашу потеряшку попытались утащить силой, то, учитывая сколько вокруг людей – это, наверняка, бы заметили. Ведь когда уводят силой, людям свойственно сопротивляться, ну или звать на помощь, или хотя бы вскрикнуть от испуга, разве не так? – с едва заметной иронией в голосе парировал префект. – А потому мой вам совет, Ваше Сиятельство, вы бы всё-таки осмотрели зимний сад... – покровительственно добавил он.

– Вас забыли спросить! – огрызнулась Её Сиятельство. – Этот сад уже дважды просканировали заклинаниями и сейчас его прочесывают с полсотни гвардейцев, – она судорожно вздохнула. – Но она словно сквозь землю провалилась! На балконе, в саду полным-полно людей, и никто ничего не видел! Она была на балконе. Стояла буквально в трёх шагах от меня! И я тоже ничего не видела!

– Бета, успокойся! – схватив девушку за плечи, потребовал Илберт Смартис. – Ты ничем не поможешь девушке обвиняя себя и других!

– И грубя старшим! – поддакнул обиженный Ансельм Паттерсон.

– И грубя старшим, – машинально согласился главный дознаватель. – Мы должны успокоиться и подумать... – проведя ладонью правой руки по лбу, проговорил он. – Нам нужно понять, куда её могли заманить... – говоря это он, неосознанно посмотрел по сторонам.

– Высокий лорд! Точно! – хлопнул он себя по лбу всё той же ладонью правой руки.

– Вы меня потеряли? – услышав последние слова имперского дознавателя, иронично поинтересовался Николас.

– Нет, не вас, к сожалению... – тяжело вздохнул Илберт Смартис.

– Мне уйти? – изогнул правую бровь Высокий лорд.

– Что-о? – недоуменно выпучил глаза Илберт. – Нет-нет. Вы не так поняли! – нервно махнул он рукой. – Мы невесту вашу потеряли...

– Очередную, – «любезно» подсказал неугомонный префект. Более того, он с удовольствием бы добавил что-нибудь ещё. И даже рот открыл уже... Но Эльжбета одарила его таким взглядом, что он передумал.

– Я понял, – кивнул Николас сразу же поняв и мысленно выдохнув при этом, почему имперский дознаватель так обрадовался, увидев его. – Она под моей опекой...

– Думаете получится? – с надеждой уточнил Илберт Смартис.

– Гарантировать ничего не могу, поскольку в отличие от моих подданных она не родилась и не выросла на моей земле, но я сделаю всё что могу... – задумчиво проговорил он и посмотрев на свою спутницу, поинтересовался: – Ваше Высочество, как вы смотрите на то, чтобы прогуляться со мной вокруг замка?

– Я смотрю на это очень даже положительно, – заверила его принцесса.

– А я, я можно с вами? – попросила Эльжбета, жалобно посмотрев при этом не на Высокого лорда, а на подругу, поскольку понимала, что той будет сложнее ей отказать.

Вивиан нерешительно посмотрела на своего спутника.

Николас на миг задумался, затем усмехнулся и ответил.

– Вы же в любом случае увяжитесь следом, поэтому можно, но постарайтесь держаться позади нас хотя бы на расстоянии двух-трёх метров и видите себя максимально тихо. И, насколько это возможно, постарайтесь верить в то, что у меня получится её найти. Или, по крайней мере, не очень сомневайтесь. Связь с девушкой и так очень слабая, если она вообще есть, поэтому лучше не добавляйте мне сомнений.

– Никаких сомнений! – дружно отрицательно замотав головами, столько же дружно в унисон заверили его Эльжбета и Илберт.

– Что ж, – улыбнулся Николас, – тогда приглашаю и вас тоже прогуляться зимним садом? – сказав это он сразу же развернулся и быстрым шагом направился к лестнице.

Отметив решительность спутника, Вивиан предположила, что он, если не наверняка, то приблизительно уж точно знает, где пропавшая девушка.

– Ты что-то почувствовал! – одновременно с надеждой и восторгом даже не спросила или предположила, а утвердительно констатировала она.

– Нет, – слегка виновато усмехнувшись, покачал головой Николас. – Мне просто нужна самая высокая площадка в округе, откуда бы я мог осмотреть местность и, так сказать, пообщаться с ветрами. И так как такой площадкой является – Защитная стена, то к ней мы и идём. Точнее, не к ней, а на драконодром, который находится сразу за садом, где нас уже дожидается Игнашка.

Будь обстоятельства другими Вивиан бы завизжала бы от восторга. Подумать только! Ещё несколько минут и она покатается на драконе! По-детски беззастенчиво-непосредственная, искренняя радость в ней и сейчас встрепенулась, однако она тут же была задавлена беспокойством и чувством вины.

– Всех четверых?! – всё же не удержалась она от вопроса.

Сосредоточенно прислушивающийся к гудению ветра и шорохам в саду, Николас вопросительно на неё посмотрел.

– Ваш Игнашка, он сможет всех четверых поднять на Стену? – повторила свой вопрос девушка.

– Что-то мне подсказывает, что четверых ему на себе нести не придется, максимум троих, – иронично проговорил он, насмешливо покосившись на Илберта Смартиса.

Неправильно интерпретировав взгляд спутника, Вивиан фыркнула.

– Это вы об Эльжбете? Ха! Поверьте мне, она лишь выглядит высокосветской дамой, а на самом деле, она даст фору не только любому вашему гвардейцу, но и легионеру! Кроме того, покатайся на драконе – это её мечта!

По губам Николаса промелькнула лукавая улыбка.

– Нет, я не об Эльжбете...

– Не об Эльжбете?.. – удивилась Вивиан и на всякий случай посмотрела назад, чтобы убедиться, что за ними по-прежнему следуют её подруга и её шеф. – Ше-эээф? – прошептала она. – Не-ээт, – отрицательно закрутила она головой. – Не может быть...

– Не-не-не, – выставив перед собой ладони, словно бы защищаясь, с озорной улыбкой проговорил мужчина. – Я ничего не утверждаю, а всего лишь предполагаю. Вслед за чем он резко развернулся и объявил: – Прошу прощения, забыл предупредить, что сейчас мы направляемся на драконодром, где нас уже ждёт Игнашка, чтобы доставить нас на Стену, – лишнее и упоминать, что «прошу прощения» в этом объявлении было лишь вводным словосочетанием.

Мужественный, хладнокровный и неустрашимый главный имперский дознаватель нервно сглотнул.

– И-игнашка?

Кивнув с самым серьёзным видом Высокий лорд, объяснил почему без дракона ну никак нельзя было обойтись. Вслед за чем всё с тем же серьёзным видом предположил, что, пожалуй, четверо пассажиров на одного маленького Игнашку будет многовато, поэтому было бы не плохо, если бы кто-то из четверых отказался от полёта.

– Только не я! Только не я! – практически в унисон воскликнули Эльжбета и Вивиан.

Кинув благодарный взгляд на Высокого лорда, Илберт криво усмехнулся и... как и положено истинному рыцарю, уступил дамам.

– Я поднимусь на стенту с помощью воздушных элементарей, – с важным видом уведомил он и, одарив по-отечески покровительственной улыбкой Эльжбету и Вивиан, скрылся в зелени зимнего сада.

И очень вовремя.

Чувствующий не только мысли, но и эмоции Николаса Игнашка и потому понимающий, что дело срочное, дабы не терять время поджидал друга у самого выхода из оранжереи.

В отличие от Вивиан, Эльжбета историю о том, что бедному Игнашке будет тяжело унести на себе сразу четверых, приняла за чистую монету, и потому предположила, что Николас летает на драконе довольно скромных размеров.

Каково же было её изумление, когда Игнашкой оказалось крылатое чудовище просто-напросто огромных размеров.

– Рррра-ааааа рррррре-эээээ?! – недовольно спросило чудовище, жёлтые глаза которого одновременно внимательно и подозрительно рассматривали девушек.

– Ты их даже не почувствуешь! Поэтому не ворчи! – осадил его Николас и попросил. – Будь добр подставь, пожалуйста, крыло.

– Фррррррр! Фррррррр! Фррррррр! Рррре-рррра-ааа! – оскорбленно прокомментировал дракон, объясняя своему недалекому другу, что дело не в том, что ему тяжело, а в том, что он не воздушный дилижанс, а ДРАКОН!!! – тем не менее, крыло всё же подставил.

Глава 14

Не то, чтобы Ганхилда когда-нибудь задумывалась о том, как это лететь вниз с большой высоты, считая при этом спиной, боками, животом, коленями, локтями, затылком и лбом ступеньки... Но, если бы у неё вдруг спросили: «Больно и страшно ли это?», она бы без колебаний ответила: «Да! Это очень страшно и очень больно!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.